
ОГОНЁК
№ 9 ФЕВРАЛЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Рисунки М. Б. Грекова

Художник Митрофан Борисович Греков — славный летописец незабываемой вооруженной борьбы рабочих и крестьян за власть Советов, боев и походов Первой Конной армии.

Ученик И. Е. Репина и Ф. А. Рубо, он был одним из зачинателей батального жанра в советском изобразительном искусстве. Его картины воскрешают героические будни гражданской войны, воспитывают глубокое уважение к бессмертным воинским подвигам русского народа.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР хранится более пятисот рисунков и акварелей этого замечательного художника. С альбомами для зарисовок Греков не расставался до последних дней. В них нет ни одного свободного листа. Страница за страницей они рассказывают об огромном творческом труде, предшествовавшем созданию таких выдающихся батальных полотен, как «Кавалерийская атака», «Тачанка», «Трубач Первой Конной Армии». Обладая исключительным трудолюбием, Греков не пропускал случая для наброска или зарисовки с натуры. Фигуры солдат, места исторических боев, детали обмундирования и вооружения одинаково привлекали его внимание и тщательно заносились на листы альбомов. Эти зарисовки, эскизы, этюды красноречиво свидетельствуют о том, как художник повседневно добивался правдивости изображения, отличающей его лучшие живописные работы.

Многие зарисовки М. Б. Грекова являются вполне законченными. Здесь мы воспроизводим несколько рисунков художника, которые публикуются впервые.

Н. ЧЕРНИКОВ

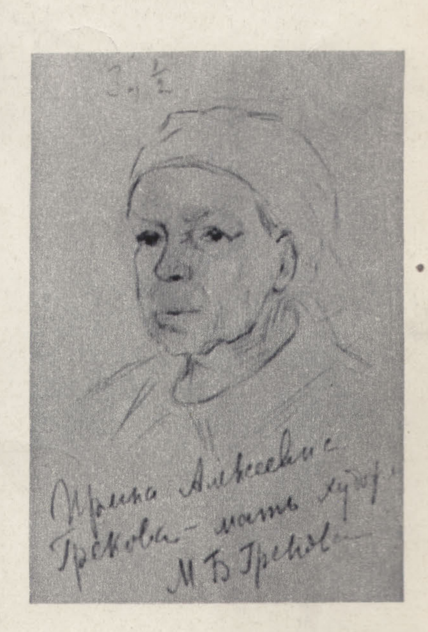
Музыкант Атаманского казачьего полка. Зарисовка с натуры в годы первой мировой войны.

Переправа через реку Белую. Зарисовка с натуры в период гражданской войны.

Отстреливается. Эскиз композиции на тему гражданской войны.

На первой странице обложки: скульптура Г. Н. Постникова — ПРЕДУПРЕЖДАЕМ! Студия военных художников имени М. Б. Грекова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 9 (1602) 23 ФЕВРАЛЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В. И. Ленин произносит речь перед войсками Всевобуча 25 мая 1919 года.

СЕГОДНЯ НАРОДЫ НАШЕЙ СТРАНЫ ОТМЕЧАЮТ 40-ЛЕТИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР. СЛАВА ДОБЛЕСТНЫМ СОВЕТСКИМ ВОИНАМ!

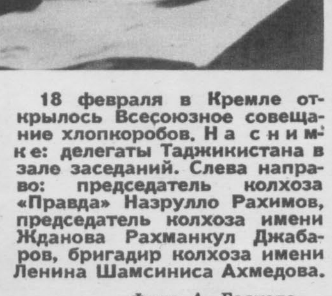

18 февраля в Кремле открылось Всесоюзное совещание хлопкоробов. На снимке: делегаты Таджикистана в зале заседаний. Слева направо: председатель колхоза «Правда» Назрулло Рахимов, председатель колхоза имени Жданова Рахманкул Джабаров, бригадир колхоза имени Ленина Шамсиниса Ахмедова.

Фото А. Гостева.

На этом снимке вы видите братьев Бондарь — Василия (слева) и Ивана. Они бригадиры тракторных бригад Винницкой МТС, опытные механизаторы. Братья Бондарь внесли немалый вклад в успех всего коллектива МТС: на десять дней раньше срока завершен годовой план ремонта тракторов.

Фото П. Хмеляра.

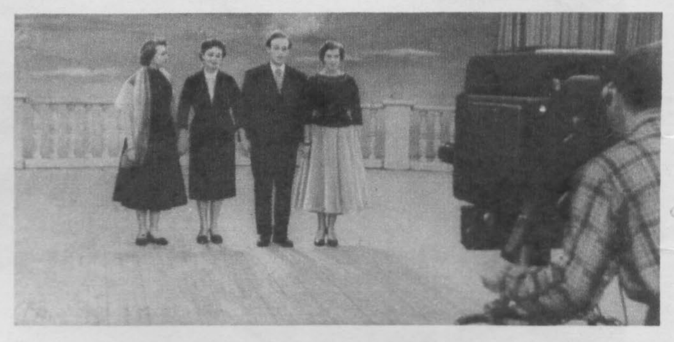

В клубе Красногорского механического завода состоялось предвыборное собрание избирателей Волоколамского избирательного округа, в котором выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР командующий войсками Московского военного округа Маршал Советского Союза К. С. Москаленко.

На снимке: Маршал Советского Союза К. С. Москаленко среди молодых избирателей.

Фото А. Шарова.

Зрители московского телевидения на днях побывали в новой, только что открытой телестудии. Это знакомство состоялось у экрана: съемочный аппарат провел «гостей» по всему обширному зданию, благоустроенному, удобному и для операторов, и дикторов, и для актеров, выступающих перед зрителями.

На снимке: концерт из новой студии ведут дикторы Нина Кондратова, Анна Шилова, Игорь Кириллов, Валентина Леонтьева.

Фото В. Жабченко.

← В Нанкине (КНР) строится самый крупный в республике завод фосфатных удобрений. Проект предприятия разработан китайскими инженерами с помощью советских специалистов. Годовая производительность завода — 400 тысяч тонн удобрений. Первая продукция будет выдана в июле этого года.

На снимке: строительство завода.

Фото Дин Чуна (агентство Синьхуа).

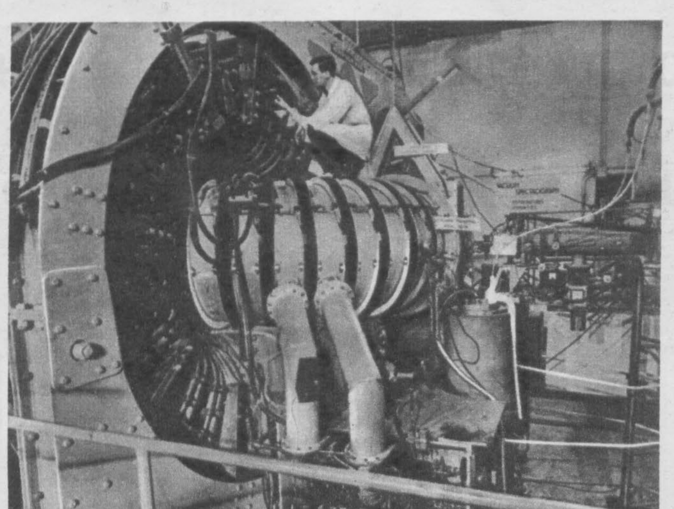
Закончились гастроли в Советском Союзе лауреата 1-го Международного конкурса имени Маргариты Лонг и Жака Тибо в Париже французской скрипачки Мишель Оклер. С большим успехом прошли ее концерты в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Риге, Львове...

Фото А. Воротынского.

Более 180 убитых и раненых мирных тунисцев, в том числе много женщин и детей,— таков итог зверской бомбардировки, которой подвергла французская военная авиация деревню Сакиет-Сиди-Юсеф в Тунисе. Этот акт открытой военной агрессии против независимого государства, являющегося членом Организации Объединенных Наций, вызвал возмущение во всем мире. По жалобе Тунисской Республики вопрос поставлен на обсуждение Совета Безопасности ООН.

На снимке: бомбы попали в колонну автомашин Международного Красного Креста.

← В Москве, в Колонном зале Дома союзов, проходила Всесоюзная конференция советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. На снимке: в перерыве между заседаниями Маршал Советского Союза С. М. Буденный беседует с народной артисткой СССР Е. Н. Гоголевой.

Фото В. Мастюкова.

Английские физики создали так называемую установку «Зэта», для опытов по управляемым термоядерным реакциям. Установка построена в Харуэллском научном центре по исследованию атомного ядра.

На снимке: одна из частей установки «Зэта».

Фото из журнала «Сфир».

Несколько дней в Киеве гостили работники культуры Кореи, которые знакомились с работой издательств, театров и киностудий.

На снимке (слева направо): Чу Ен Дин — режиссер Пхеньянского театра, Се Рен Хан — начальник главного управления издательства при кабинете министров Кореи, Ким Чи Рел — инструктор ЦК Трудовой партии Кореи, и Ким Ир Кван — заведующий отделом зарубежной литературы издательства «Литература на иностранных языках».

Фото Ф. Чабана.

Итальянцы не хотят американских ракет на своей земле. В знак протеста против размещения американских ракетных баз в Италии молодежь в Риме установила макет ракеты и затем подожгла его.

Фото из газеты «Унита».

15 февраля трудящиеся Франции провожали в последний путь выдающегося деятеля международного рабочего движения, одного из основателей Французской коммунистической партии, товарища Марселя Кашена.

Сотни тысяч людей прошли перед гробом Марселя Кашена в здании газеты «Юманите», отдавая почести славному сыну французского народа, мужественному борцу за мир, демократию, социализм.

На снимке: похоронный кортеж движется по Большим бульварам Парижа.

В Москве проходит набор в пять новых технических и ремесленных училищ строителей.

Занятия начнутся первого марта. Более тысячи юношей и девушек приобретут различные строительные специальности и пополнят армию строителей Москвы.

На снимке: в новом техническом училище № 4 Мосгоруправления трудовых резервов. Группа вновь принятых учащихся знакомится с мастерскими.

Фото Р. Лихач.

В начале марта в Лейпциге (ГДР) будет проходить международная весенняя ярмарка 1958 года. В ней примут участие около 9 тысяч фирм и организаций из 41 страны.

На снимке: между домами подвешивают на тросах эмблему лейпцигской ярмарки.

Фото Беньяка (Централбильд).

18 февраля состоялась встреча членов Московского дома ученых с редакционной коллегией и авторским активом журнала «Огонек». Академик П. А. Ребиндер, председательствовавший на вечере, научная сотрудница Н. М. Барсова-Шестакова, кандидат экономических наук Б. Н. Кикин, писатель О. Н. Писаржевский, инженер М. И. Вечтапов, кандидат биологических наук Ю. М. Залесский, кандидат технических наук А. Т. Чижов, художественный руководитель Дома ученых Г. М. Чацкий сделали ряд критических замечаний и высказали свои пожелания журналу.

На снимке: кандидат педагогических наук И. Розанов во время своего выступления демонстрирует иллюстрации из «Огонька».

За содействие органам милиции в борьбе с нарушителями общественного порядка приказом министра внутренних дел РСФСР бригадир пилорамы деревообделочного цеха завода «Уралэлектроаппарат» в Свердловске Иван Николаевич Головин (второй справа) награжден именными часами.

Фото И. Тюфякова.

На экраны вышел новый художественный фильм «Дело было в Пенькове» по повести Сергея Антонова. Автор сценария и постановщик — Станислав Ростоцкий. В главных ролях — молодые актеры В. Тихонов, М. Менглет, С. Дружинина. Производство Московской киностудии имени М. Горького.

За две недели фотовыставку журнала «Огонек» в Праге посетили пятьдесят тысяч человек. Пятидесятитысячной посетительницей оказалась фотограф Хелена Мразкова. Главный редактор журнала «Свет Совету» Ян Буреш преподнес ей подарок: фотоаппарат «Любитель» и книги.

Х. Мразкова пишет в редакцию, что она подарила аппарат своему десятилетнему сыну Рише, который уже умеет проявлять и печатать фотографии, а теперь будет учиться фотографировать.

На снимке: Рише с фотоаппаратом «Любитель».

На кондитерской фабрике имени Крупской в Ленинграде изготовлен шоколадный торт «Миру мир!». Шоколадный земной шар диаметром 80 сантиметров и весом 130 килограммов украшен шоколадными голубями и розами. Этот гигантский торт предназначен для Брюссельской выставки. Для этой же выставки на фабрике сделаны из подцвеченного шоколада картины с видами Ленинграда и пригородов.

На снимке: кондитеры В. А. Абакумов и А. В. Быстрова у торта.

Фото Б. Уткина.

Горельеф чешского скульптора Йозефа Малейовского.

ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Драгомира ВЕСЕЛА

Двое шли по Ступицкой улице небольшого городка Крупки, расположенного в северной части Чехии. Шли от винторезного завода к дому, и хоть вот уже десять лет прошло с тех пор, но оба — рабочий и инженер — помнят, каким был этот разговор. Да это и понятно: ведь каждый из них говорил тогда от имени своей партии. События февральских дней 1948 года, в которых решались судьба и будущее страны, бурлили вокруг них да и в них самих.

Чехословацкая реакция в эти критические дни готовила путч, чтобы установить в стране свою диктатуру.

...Двое прощались на углу маленького северочешского городка. Инженер сказал рабочему:

— Это странно: вы, коммунисты, не имеющие такого образования, как мы, и не учившиеся в институтах, вы ориентируетесь в обстановке быстрее нас. Как удалось вам буквально в течение нескольких часов создать вашу коммунистическую народную милицию? В этом вы превзошли и победили нас, национальных социалистов.

Рабочий с винторезного завода — это был коммунист Ферда Новотны — ответил:

— Вы ошибаетесь, господин инженер! И мы получили высшее образование; пройдя школу трудовой жизни, мы поняли, что только вооруженный рабочий класс способен воевать с эксплуататорами и охранять свободы, завоеванные народом. Вот вам ответ на то, откуда могла взяться народная милиция. Ведь не могли же вы дать нам, рабочим, оружие против самих себя!

* * *

1958 год. Февраль. В помещении народной милиции города Крупки в ожидании занятий по боевой подготовке сидят несколько человек. Все они рабочие с винторезного завода имени капитана Яроша. Они проводят здесь несколько свободных от работы часов, осваивая технику военного дела.

Через десять лет товарищ Ферда Новотны вспоминает о бурных февральских днях с волнением и той ноткой веселого юмора, который свойствен чехам и порождает взрывы смеха у слушателей.

— Ну, и объяснил же ты этому инженеру, Ферда!.. Да, в то время мы хозяевам и их приказчикам явно были не по нутру. А ты думаешь, что мы нравимся им теперь? Ведь многие из них, притаясь где-то там, на Западе, до сих пор не могут нам простить Февраль... Вы только вспомните, как выпучивали они на нас глаза, когда мы впервые построились на заводском дворе... Сам дьявол, наверное, не глядел бы на нас так! Они тогда здорово перетрусили, хоть и пытались вышучивать нас.

Одно воспоминание порождает десятки других. В дыму самокруток-«партизанок» воскресают первые занятия народной милиции — этого добровольного рабочего ополчения, которое в короткий срок возникло на заводах страны и стало грозой реакции и щитом народно-демократического строя. Тогда у народных милиционеров даже не было единой формы одежды и мыслили они еще по-разному: не все понимали важность происходивших событий. Но как притихли реакционные заправилы Крупки, когда с боевой революционной песней проехали в грузовиках по городу рабочие-милиционеры! Многое вспоминается: и веселая бригада рабочих завода, строившая вместе с тысячами других «Дорогу дружбы», связывавшую родину с Советским Союзом; и трудности проведения денежной реформы; и суровые дни, когда, едва вернувшись с завода на рассвете домой, снова шли в цеха. Было всякое. Но никто и не думал роптать. Строили свое, собственное, народное.

Однажды часть народной милиции шла боевым маршем через холм Циновец. Порывистый ветер гнул деревья, снег слепил глаза, ноги по колено проваливались в сугробы. Часть прошла уже несколько километров, бойцы устали. Командир знал, что после учений им сразу идти на работу. Когда подразделение остановилось на короткий привал на лесной опушке, он сказал:

— Ребята, кто не в силах идти дальше, может быть свободен.

Все молчали. Только один поднял руку: он должен был заступать в ночную смену на заводе. Остальные вернулись в мастерские наутро — измученные, невыспавшиеся, но счастливые. Они твердо помнили, что народная милиция должна обладать высокой воинской выучкой.

Снова и снова перебиралось и героическое и смешное. На учения тогда ездили через курортный городок Теплице — типичный город буржуа. И именно поэтому ребята решили ездить прямо через курортную колоннаду. Чем больше злобных взглядов следило за ними, тем звонче и веселее раздавались боевые революционные песни, с которыми милиционеры проезжали по городу.

В строительстве новой жизни в городе Крупке товарищам из народной милиции национального предприятия имени капитана Яроша принадлежит немалая доля. К ним обращалась коммунистическая партия всякий раз, когда бывало трудно, и они всегда с честью выполняли возложенные на них задания. Они создавали бригады по спешной уборке свеклы, ночи напролет помогали корпусу национальной безопасности обезвреживать врага, охранять дороги, ведущие к границе. Не случайно к празднику десятилетия февральской народной победы именно их часть была признана наилучшей в районе.

— В те февральские дни мне все одинаково нравилось,— говорит Августин Вошицкий.— Правда, дела было много, и приходилось порой не спать по нескольку дней, но все, что нам тогда поручали, мы выполняли с задором и любовью: мы знали, что реакция так и ждет, чтобы мы ослабили свою бдительность... Да, это было боевое время!

Милиционер, начальник винторезного цеха, товарищ Новак весело перебил его:

— Мы должны быть рады, Густав, что эти времена позади. Ведь это свидетельствует о том, что рабочий класс прочно стоит у власти теперь и прочно стоял все эти десять лет. Но теперь, как и тогда, мы должны быть на страже. Я думаю, что выражу мнение всей нашей части, когда скажу, что если только кто-нибудь попытается изменить это положение, получит должный отпор!

В минуты отдыха в помещении милиции всегда можно услышать шутки и веселый, дружный смех.

Фото Романа Витека.

В пламени и славе

Е. КРЕЙН, М. САВИН

От голубых уральских вод
К боям Чонгарской переправы
Прошла дивизия вперед
В пламени и славе!

Так поют гвардейцы о своей части. Она создана почти сорок лет назад. Штурмовали воины Н-ской части в 1920 году Сиваш и Чонгарскую переправу, прошли путь до самого Берлина в годы 1941—1945, а сейчас учатся, овладевают сложной, первоклассной боевой техникой.

В канун 40-летия Советской Армии гвардейцы послали письмо своим шефам. Публикуемые нами снимки могли бы его иллюстрировать

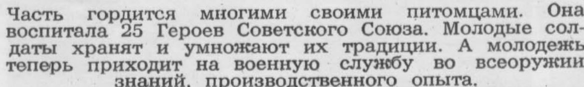

...Виктор Желобкович. Нелегко сложилась его судьба. Отец и мать убиты фашистами. Советские люди помогли мальчику стать на ноги. Жил в детском доме, учился в ремесленном. Виктор мечтал стать военным. Мечта сбылась. Сейчас он в рядах гвардейцев. Вычислитель батареи ефрейтор Желобкович стоит на защите священной земли, обагренной кровью отца и матери. Его здесь считают «сыном полка». Приказом по части ему установили день рождения — 7 ноября.

Прочная дружба связывает воинов с соседними предприятиями. Дорогие гости с фабрики пришли в казарму. Как их не угостить солдатским борщом? ↓

Часть гордится многими своими питомцами. Она воспитала 25 Героев Советского Союза. Молодые солдаты хранят и умножают их традиции. А молодежь теперь приходит на военную службу во всеоружии знаний, производственного опыта.

Один из молодых — Иван Марченков. За ним уже слава покорителя казахстанской целины — свидетельство тому орден «Знак Почета», медаль «За освоение целинных земель» и эта любительская фотография, бережно хранимая солдатом.

Русская зима

А. БОЧИНИН, И. ГАНЮШКИН, А. НОВИКОВ

Стадион в Лужниках в эти дни выглядел необычно. Разноцветные палатки, эстрады, на которых перед гостями выступают артисты, клоуны, скоморохи. Тысячи москвичей пришли сюда на праздник Русской зимы.

Повсюду слышны музыка, задорный смех. Лихо катятся с ледяной горки молодые и старые, мелькают пары на каруселях. На главной арене идут увлекательные мотогонки, выступают артисты цирка, ансамбль «мотоберезка»...

Не все еще гладко было на первом празднике Русской зимы, и многое надо учесть на будущее. Но праздник этот, несомненно, полюбился москвичам, и они рады были бы побывать здесь на веселой встрече весны и лета...

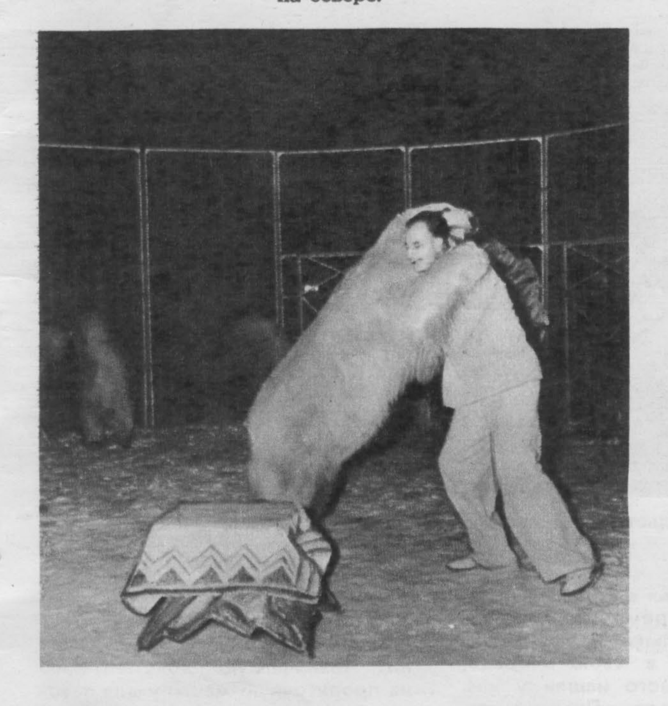
Аж дух захватывает!..

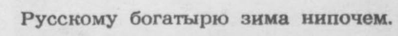
Катит лихая тройка.

А вот за блинами уже очередь. После двухчасовой прогулки на свежем воздухе всем захотелось блинов, причем всем почти одновременно. Заранее их не напечешь, а сковородок не напасешься.

Медведь чувствует себя на скользком льду, «как дома», на севере.

«Мотоберезка».

Такой снежной бабы не увидишь ни в одном дворе. Она «встречает» гостей недалеко от входа.

При таком «росте» бублики покупаются запросто.

Русскому богатырю зима нипочем.

— Заходите, всегда поможем, — говорит инженер Демин, провожая главного металлурга болгарского завода Ивана Бакарджиева.

ШИРОКИЕ СВЯЗИ

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. Ананьева, В. Киселева.

У конвейера фабрики имени Самойловой албанцы Астрит Белица и Тома Шака.

Когда мы попали в эту небольшую комнату, там шел оживленный разговор:

— Готовы ли турбокомпрессоры для Индии?

— Что с чертежами для Югославии?

Где же мы, собственно, оказались? В Министерстве внешней торговли? Нет, в отделе внешних сношений Ленинградского совнархоза.

Как только был создан Ленинградский экономический район, на молодые плечи совнархоза, кроме всех прочих забот, легли и международные связи.

Прежде всего экспорт... Продукция идет в сорок семь стран мира.

В Индию, на стройку металлургического завода, ленинградцы шлют электрические мостовые краны, станки, турбокомпрессоры, турбины-приводы, воздуходувные машины, шаровые мельницы, дробилки...

В Китай, Польшу, Болгарию отгружаются генераторы, турбины, сварочные агрегаты, станки, автоматика, арматура, измерительные приборы, прокат... В Югославию — электродвигатели, расточные станки, трубоукладчики... В Мексику — арматура и сварочные машины. В Египет — оборудование, машины, круглошлифовальные станки.

В минувшем году только один Невский машиностроительный завод имени Ленина отправил для черной металлургии, химической промышленности и других отраслей зарубежной индустрии сто различных машин.

На мировом рынке пользуются большим спросом точнейшие приборы с маркой заводов Ленинградского совнархоза. Они экспортируются в Чехословакию, Финляндию, Грецию, Пакистан, Сирию.

— А что вывозится в США?

— Пока только водка, — сказал заместитель начальника отдела внешних сношений Федор Степанович Яковлев.— А разве мы не могли бы по-настоящему торговать с Америкой? Было бы у них желание...

— Хорошо ли знают за рубежом о наших возможностях?

— А международные выставки и ярмарки? Мы же участвуем почти во всех! Только что отправили в Брюссель последние наши новинки: паровые и гидравлические турбины, пневматические турбины, оптические приборы, аппаратуру для панорамного кино, телевизоры... Отгружаем экспонаты для международной торговой выставки в Осака. А потом будем участвовать еще в Лейпцигской и в Кабульской ярмарках. Пусть смотрят, выбирают...

Экспорт — важная, но не единственная забота отдела внешних сношений совнархоза. Тысячами нитей связан он с зарубежными деятелями науки, техники, промышленности.

...В комнатах звучит разноязыкая речь, озабоченно суетятся переводчики: завтра «Красной стрелой» прибывают китайские товарищи; чуть попозже надо встретить итальянских гостей; еще позже приедут люксембургские пивовары; а финские металлурги с утра хотят посетить «Красный выборжец».

Шведские текстильщики поедут на фабрику имени Веры Слуцкой: их интересует отделка тканей. Японские промышленники отправятся на завод имени Свердлова: хотят посмотреть уникальные станки. Специалисты торфяной промышленности США не один день провели на торфопредприятиях. Генеральный директор французской фирмы Шнейдер Крезо г-н Викер пожелал познакомиться с заводами, выпускающими турбины. «Пожалуйста»,— ответили ему в совнархозе. На ликеро-водочном заводе побывал видный финский политический деятель и глава фирмы «Алко» г-н Фагерхольм. Ему очень понравилась технология изготовления русской водки и ликеров.

— Возьмитесь обучить несколько наших рабочих,— обратился с просьбой г-н Фагерхольм.

— Присылайте,— сказали ему.— Ничего не утаим!

Свыше двух с половиной тысяч специалистов и гостей из-за рубежа посетили и осмотрели предприятия и институты совнархоза. Обмен делегациями, конечно, строится на основе взаимности.

Инженеры старейшего завода «Русский дизель» с большой пользой провели время на бранденбургских дизельных предприятиях, а немцы, в свою очередь, много интересного нашли у нас. Работники завода «Пневматика», создавшие серию новейшего пневматического инструмента, ездили в Чехословакию, а чехи черпают опыт у ленинградцев. По приглашению г-на Викера турбостроители Ленинграда готовятся к ответному визиту во Францию.

В Харбине строится турбинный завод. Чтобы освоить неизвестное Китаю новое производство, на Невском, Металлическом, на Кировском заводах полтора года работал директор Чжоу Ба-фан. Вместе с ним в цехах Ленинграда учились новому делу и харбинские рабочие. Девять месяцев они слушали лекции, работали у разметочных плит, на фрезерных и токарных станках. А потом собралась квалификационная комиссия. О, это был настоящий экзамен! Китайцы просили не делать им скидок на неопытность и незнание языка.

И вот уже пришло из Китая письмо.

«Здравствуйте! — пишут по-русски ленинградским рабочим и инженерам китайские товарищи.— Из далекого места шлем вам сердечный привет. Мы всегда вспоминаем о том времени, когда были у вас. Строительство нашего завода подходит к концу. И-чен работает главным инженером, Цзы-нань — начальником инструментального отдела, а Чжун-фань — в отделе главного технолога. К нам приехали ваши специалисты. Они хорошо помогают наладить работу. В этом году мы выпустим первую паровую турбину «ВК-25» (мощностью 25 тысяч киловатт), потом — «ВК-50» и «ВК-100». Конечно, трудностей будет много, но мы их преодолеем».

Оптимизм китайских машиностроителей понятен ленинградцам. И они, создавая первые мощные отечественные машины, вот так же твердо верили: одолеем! А ведь ленинградцам никто не помогал, пионеры же китайского турбостроения не одиноки: у них теперь много друзей. Значит, обязательно справятся, одолеют.

...Нашу беседу с Василием Васильевичем Деминым, руководителем группы научно-технического сотрудничества, прервал человек, поставивший на стол ящик, окованный железом.

Члены правительственной экономической делегации Египта у строящегося атомного ледокола.

— Это из Чехословакии.

— Хороший народ чехи! — радуется Демин.— Мы попросили у них техническую документацию на пропиточную машину для завода «Пролетарий» — и пожалуйста! Вот на какой основе развиваются наши отношения с социалистическими странами! Полная взаимность! Китайцы попросили у нас проект турбины высокого давления — мы им отправили. Болгарам мы подготовили материалы по технологии полунепрерывного литья алюминия.

Да разве все перечислишь! Свыше пятисот заказов на техническую документацию выполняют заводы и институты совнархоза для зарубежных друзей. И, разумеется, оплачиваются только фактические расходы по изготовлению чертежей и проектов...

Покидая особняк на канале Грибоедова, мы увидели, как к нему подкатили черные лимузины. Распахнулись дверцы, и на заснеженную набережную вышли венгерские инженеры.

— Совнархоз? — обернулся к переводчику один из них.

— Тут, тут,— ответил переводчик и добавил: — Добро пожаловать!

Алексей Илларионович КИРИЧЕНКО.

К 50-летию со дня рождения.

Фото Г. Вайля.

Ленинград.

В. С. Бибиков. ГОРОДА-ГЕРОИ.

Сталинград.

Наследники победы

Иван РЯДЧЕНКО

ПОКУПАЙТЕ ЦВЕТЫ

Я вчера вечерком проходил у вокзала.
Ярко брызгали звезды с трамвайной дуги.
— Покупайте цветы! — продавщица сказала.
Вздрогнул я и невольно замедлил шаги.

Показалось, что снова девчонка в матроске
первый раз на углу ожидает меня.
И те розы, что взяты в цветочном киоске,
обжигают ладонь наподобье огня.

Я, смущаясь прохожих, несу эти розы:
коль откажет язык, пусть они говорят...
Только вдруг на любви ставят крест
бомбовозы,
и зеленый июнь превращается в ад.

На заветном углу, где стояла девчонка,
ожидают меня по сигналу «Отбой!»
лишь колючая пыль, да крутая воронка,
да разбитого дома проем голубой.

С грозной песней на фронт уходили матросы,
в правом гневе своем поднималась страна.
В этот день на мои неврученные розы
наступила железной пятою война...

Мы недаром прошли по военным дорогам,
наш солдатский огонь не померк, не погас.
Нам безмолвно цветы повествуют о многом
и защиты как будто бы просят у нас.

Проливали мы кровь, чтоб вокруг пламенели
не пожары, а розы — друзья красоты.
Мы следим за врагами, не пряча шинели...
Покупайте цветы...
Покупайте цветы!

МУСА ДЖАЛИЛЬ

Что лучше?..
Лучше пуля в лоб:
мгновенье — и убит! —
чем каменный холодный гроб
с названьем Моабит.

Здесь все на смерть осуждены,
здесь нет ни снов, ни грез.
Четыре мокрые стены
сочат туберкулез.

Попробуй выдержи, осиль!
Но с гордой головой
вошел солдат Муса̀ Джалиль,
вошел поэт Муса Джалиль
в тот сумрак гробовой.

Ему вчера сулил блага́
иуда Розенберг.
Но жизнь, как взятку от врага,
Муса Джалиль отверг.

Не всем до ста дожить судьба.
Хоть жаль жену и мать,
но смерть борца
на жизнь раба
солдату не менять!

Уже объявлен приговор.
Действительность не сон:
над головой твоей топор
врагами занесен.

Но и под сводом темноты
ты чувствуешь, Муса,
как раскрываются цветы,
синеют небеса.

Пусть блики солнечных «зайчат»
блестят на топоре, —
какою нежностью звучат
слова о детворе!..

Прощайте, Родина и мать!
Враги идут.
Пора...
Но самодельная тетрадь
сильнее топора.

Мудрец!
Ответь и не солги,
что выше дел таких:
писать о подвигах стихи
и быть героем их?!

НА МОРСКОМ «ОХОТНИКЕ»

Трепещут стрелки на приборах.
Взвывает ветер.
Ночь темна.
О борт ударившись, как порох,
во мгле взрывается волна.
Колючей солью полон воздух.
Из тьмы бежит за валом вал.
И мачта то сшибает звезды,
то опускается в провал.
Вдали Одесса и Очаков.
В такую ночь дозор не прост:
нет в море пограничных знаков,
но третьи сутки есть норд-ост.
И рулевой, приняв команду,
сжав зубы, думает о том,
что капитану-лейтенанту
дается бодрый вид с трудом.
И ночь и ветер стали адом.
Ни сна, ни просто папирос.

Вторую ночь стоит он рядом,
как будто к палубе прирос.
С его блестящего реглана
течет потоками вода.
Наверно, спит сейчас Светлана,
жена в тревоге, как всегда...
Здесь не заваришь даже чаю,
как ни старайся вестовой.
На сорок градусов качая,
грохочет ветер штормовой.
Он никому не даст поблажки,
он все еще силен пока...
Но и мечтая о затяжке —
одной затяжке табака, —
за много миль от волнолома
моряк жалеет в час ночной
людей, сейчас притихших дома
за толстой каменной стеной.

Одесса.

РОДНОЙ ФЛОТ

Афанасий КРАСОВСКИЙ

ДАША СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ

Вьются белые дорожки
по крутым зеленым склонам.
По следам матроса Кошки
я хожу по бастионам.

В алых маках на кургане
героиню вижу нашу —
в кумачовом сарафане
Севастопольскую Дашу.

То ли белые туманы
кружат здесь с восходом
солнца,
то ли Даша бастионцам
перевязывает раны,

то ли в утреннюю пору
дождик в травах серебрится,
то ли Даша комендорам
из ведра дает напиться...

Коль скажу — не приукрашу:
здесь на старых бастионах,
я встречал такую Дашу,
с белой пылью на погонах.

По солдатской книжке
Валей
писарь звал подругу нашу.
А бойцы ее прозвали
Севастопольскою Дашей.

ОБЛАКА НАД МАЧТАМИ

Остаток дня дымком плывет навстречу.
Роса ложится солью на траву.
Бродя, в охапку собирает вечер
разбросанную в бухте синеву.

Уже на бочках чайки мирно спят,
волну забыв до утреннего взлета.
А я стою
впередсмотрящим флота,
сжимая вороненый автомат!

Севастополь.

КРЫЛЬЯ

Григорий ГЛАЗОВ

Горячее поле, обвялые травы,
разбитые вдребезги переправы.
Бессчетные вылеты, мокрые спины.
Все первое:
раны,
награды,
седины...
Рванулась ракета.
По этому знаку
опять в карусельную нужно атаку.
Эх, близкое время!
Эх, дальнее время!
Слепые полеты, ночные бомбежки...
Росло и мужало крылатое племя,
редело, старело оно понемножку.
Но опыт — не медь:
не тускнеет с годами.
Но слава, добытая некогда нами,
досталась подросшим,
окрепшим,
достойным,
по нашим рассказам узнавшим про войны.
Но звезды все те же,
все та же присяга
и мудрое зарево красного стяга.

Львов.

ГНЕВНЫЙ ГОЛОС КИПРА

Антониос ПРОТОПАПАС

Недавно вышла в свет небольшая книжка кипрского архиепископа Макариоса под названием «Я обвиняю».

Обвиняет каждая строка этой книжки. Перед читателем проходят грубый произвол, насилия, бесчеловечные пытки, к которым прибегают английские колонизаторы, чтобы подавить национально-освободительное движение кипрского народа.

Восемьдесят лет длится оккупация. И на протяжении всего этого времени английские колонизаторы «просвещают» киприотов, заявляя, будто это «неразвитый и отсталый народ», хотя он и обладает трехтысячелетней древней культурой. Они посылают вооруженных до зубов солдат, чтобы «научить» этот народ «самоуправляться». Огнем и железом они пытаются погасить освободительное пламя, которое вот уже четыре года гордо пылает над островом Афродиты. Казни, аресты, пытки, каторга — ничто не может заставить киприотов спустить знамя свободы.

Колонизаторы объявили вне закона передовую партию рабочего класса — АКЕЛ, боевую организацию кипрской молодежи — АОН, организацию крестьян — ЕАК, женскую организацию — ПОДГ, запретили патриотические газеты и бросили в тюрьмы многих прогрессивных деятелей.

Самого архиепископа Макариоса, как известно, колонизаторы выслали на Сейшельские острова, расположенные в Индийском океане. Он был освобожден благодаря решительному нажиму кипрского народа и энергичной поддержке, которую оказала ему мировая прогрессивная общественность. Однако до сих пор Макариосу не разрешают возвратиться на Кипр.

Но предоставим читателю самому ознакомиться с ужасающей картиной, которую рисует в своей книге архиепископ Макариос. «Из показаний, попавших в мои руки,— пишет он,— я приведу лишь факты, свидетельствующие о бесчеловечных методах допросов и пыток».

19 ноября 1956 года в тюрьме в Платрах умер Андреас Панайоту из Полистипо. В правительственном бюллетене говорилось, что «произведено вскрытие тела и будет продолжено следствие». До сего дня нет никаких сообщений о результатах расследования. Отцу Андреаса разрешили в свое время побывать в больнице и посмотреть на мертвого сына. Отец заявил, что «тело его сына было неузнаваемым».

Английские войска расположились однажды в монастыре Махера. Здесь они схватили игумена, обвинив его в связях с патриотическим движением. Письменные показания игумена приведены в книжке Макариоса. Англичане наносили ему удары в голову и в живот, таскали за волосы и бороду, плевали в лицо, осыпали самой отвратительной руганью. Чтобы он не мог двигаться, его связали железной проволокой. Они показали на практике, чего стоят их слова о «свете христианства, несомом на Восток...»

Колонизаторы пытают всякого, кто не желает покориться им, будь то священник, женщина или старик. Есть случаи пыток, говорящие о том, что истязатели теряют последние остатки человеческого облика.

Динос Иоанну в показании, которое он сумел переслать из концлагеря «Пилас», пишет: «Меня подняли за волосы и били по желудку и рукам до потери сознания. Когда меня тошнило, один из мучителей собирал извергнутое мною чулком и засовывал мне обратно в рот. Другой прижигал сигаретами мне бедра».

На рабочего Андреаса Н. Пацалиса после того, как его арестовали и привезли в деревню Камбос, натравили овчарку. Затем его привязали к стойке, раздели и безжалостно били ремнем из воловьей шкуры. В рот ему засунули палку. Заставляли глотать соль, опилки, нефть.

Созоса Петроса, после того, как рот его набили песком, англичанин избил до потери сознания. Другим загоняли под ногти стекла, вырывали ногти и волосы.

Подробное перечисление зверств, которые учиняют на Кипре «защитники свободного мира», составило бы гораздо более толстую книгу, чем та, которую выпустил архиепископ Макариос. Но нельзя не сказать о «подвигах» колонизаторов среди киприотских школьников.

Семнадцатилетнему Тумазосу Иоанну из деревни Ороклини, ученику лицея Ларнаки, после жестокого избиения прижигали раскаленным железом половые органы. Такие же мучения пришлось претерпеть ученику Георгиосу Тамаридису. Английские военнослужащие заставили Георгиса Телемахоса и Такиса Анастасиу выкопать ямы, посадили их туда и засыпали по шею землей.

Садизм колонизаторов обнаружился на процессе 22-летней девушки Вассо Лойзы. Три часа подряд ее допрашивали, избивая ремнями. Между пальцами вставляли железные палочки и сжимали, калеча руки. Избиения были таковы, что следы остались даже спустя четыре месяца после допросов.

Весь мир с отвращением говорит о зверствах британских колонизаторов на Кипре. Эти преступления были подтверждены английскими журналистами на пресс-конференциях, в английском парламенте их подтвердили бывшие английские надзиратели, служившие в английских тюрьмах на Кипре, Вильям Уинкон и Давид Тун.

Архиепископ Макариос заключает свою книгу следующими словами:

«Речь идет не о неопределенных слухах, а о конкретных событиях, которые происходят на Кипре и в которых мы обвиняем англичан... Мы обращаемся к мировому общественному мнению и требуем осуждения подобных зверств».

Народ Кипра составляет только полмиллиона человек. Но это мужественный народ, он любит свою свободу и не хочет превратить родину в атомную базу империалистов. Его борьба справедлива, она опирается на поддержку миллионов людей в других странах. Киприоты борются упорно, и рано или поздно их дело победит.

Арестованного киприота

Среди арестованных на Кипре можно встретить детей, женщин и стариков. А вот и священник...

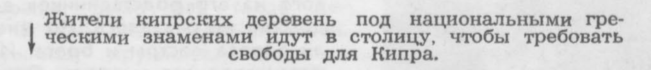
ведут в полицейский участок.

Обычная сцена на улицах Никозии.

Демонстрация в Лондоне, в которой приняли участие киприоты, живущие в Англии. Лозунг гласит: «Матери Кипра и Англии, требуйте прекратить казни, кончить кровопролитие, начать сейчас же переговоры!»

Жители кипрских деревень под национальными греческими знаменами идут в столицу, чтобы требовать свободы для Кипра.

И. Д. Антошкин.

А. Ф. Мошин.

Н. Д. Хорохонов.

А. С. Агафонов.

ВЯЗН

С. СИНЕЛЬНИКОВ

Фото Ф. Короткевича.

М. С. Борисов.

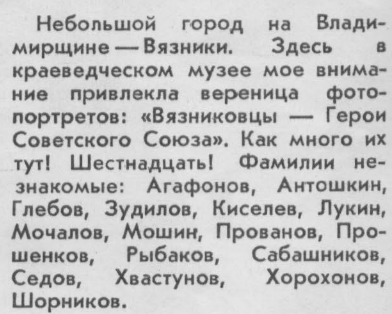
Г. В. Прованов.

Л. С. Седов.

В. А. Киселев.

Небольшой город на Владимирщине — Вязники. Здесь в краеведческом музее мое внимание привлекла вереница фотопортретов: «Вязниковцы — Герои Советского Союза». Как много их тут! Шестнадцать! Фамилии незнакомые: Агафонов, Антошкин, Глебов, Зудилов, Киселев, Лукин, Мочалов, Мошин, Прованов, Прошенков, Рыбаков, Сабашников, Седов, Хвастунов, Хорохонов, Шорников.

Заинтересовавшись портретами, я узнал не только то, что героев семнадцать: фото семнадцатого, Борисова, музей пока не достал. Выяснилось, что об одном герое, Кузнецове, в музее почему-то и не слышали. Стало быть, вязниковцы дали стране восемнадцать Героев Советского Союза! Кто они?

Ветеран

Возле фабрики «Парижская коммуна» есть ветхий домик. Он отстоял свой век, а его не сносят и даже прибили мемориальную доску: здесь жил генерал-майор авиации Герой Советского Союза Иван Диомидович Антошкин. Никого из его родственников в том домике не оказалось. Но мне дали адреса сестры и брата. И они рассказали, что в юности будущий генерал был сортировщиком льна на той самой фабрике, близ которой родился и вырос. В армию пошел в гражданскую войну. Вязниковские коммунисты двинулись тогда на фронт столь дружно, что их порыв пришлось сдержать. Уездный комитет РКП(б) принял беспримерное постановление: в армию может идти лишь тот, кому это будет разрешено. Иначе

А. П. Лукин.

И. С. Зудилов.

М. М. Глебов.

А. В. Сабашников.

П. И. Кузнецов.

А. С. Шорников.

Н. И. Прошенков.

А. Г. Хвастунов с сыном.

...ИКОВСКИЕ ГЕРОИ

город и уезд остались бы без единого коммуниста. Как раз в те дни надел красноармейскую шинель Антошкин, хотя ему не исполнилось и девятнадцати лет.

— Вышло это так,— пояснила Софья Диомидовна Ковалева, библиотекарь с фабрики «Свободный пролетарий».— На станцию прибыл тяжелый артдивизион, и Ваня после работы пропадал у артиллеристов, помогал чистить орудия, водил коней на водопой. Кончилось тем, что брат втайне от семьи уговорил командиров взять его с собой: дивизион отправлялся прямиком на фронт. Недели через три Ваня написал, что уже воюет против белогвардейцев... С тех пор армия стала для него родным домом. Году в двадцать шестом брат поступил в летную школу. Служил потом пилотом, командиром звена, эскадрильи... Незадолго до Отечественной войны был майором, а в сорок третьем году стал генералом. На фронт пришел во главе полка, а вскоре командовал дивизией, корпусом...

Его нет в живых. Сорока четырех лет он погиб в сорок четвертом году.

— Через того Антошкина, может, все и пошло,— сказал старожил, когда я спросил, почему среди вязниковских героев больше половины летчиков.— Через него, может, и аэроклуб у нас открыли. Было раз такое дело. В небе засверкал аэроплан. Кружился, кружился, а летчик возьми да брось что-то вниз. Побежали искать. Нашли белый флажок: вымпел. А там записка пришпилена. То наш первый вязниковский авиатор, тогда он был просто Ваней Антошкиным, пролетал мимо и поприветствовал своих земляков... Долго о том вымпеле помнили. Многим парням он мысль подал о самолетах!

Так это было или нет, но в тридцать четвертом году вязниковские комсомольцы отдали свой трехдневный заработок на приобретение двух учебных самолетов. В бывшем купеческом доме открыли аэроклуб, близ вокзала соорудили аэродром. Желающих стать пилотами, планеристами, парашютистами было так много, что аэроклуб ежегодно покупал по нескольку самолетов.

Первая звезда

Александр Федорович Мошин, сын слесаря, рано осиротел. Его и трех братьев воспитывала мать, Ефросиния Герасимовна, работавшая уборщицей в льнотехникуме.

— Саша хотел специализироваться в ткацком производстве,— рассказал его брат, Алексей Федорович Мошин, кадровый офицер, недавно вернувшийся в Вязники после увольнения из армии.— А однажды он написал в Кронштадт, где я служил, что летчики теперь нужнее и потому он решил бросить техникум. Так он и сделал. Боевое крещение брат получил на Халхин-Голе. Там и подвигом прославился, Золотую Звезду получил.

В августе тридцать девятого года его эскадрилья возвращалась на свой аэродром после боевого задания, израсходовав и горючее и боеприпасы. Вдруг налетели японские истребители. Ни уйти, ни ответить огнем наши летчики не могли. Хуже всех пришлось командиру эскадрильи. Чтобы спасти его от неминуемой гибели, Мошин отважился на отчаянный шаг — на бреющем полете винтом отрубил хвост вражескому истребителю. Тот врезался в землю. Остальные самолеты противника убрались восвояси. Но Мошин попал в критическое положение — выбрасываться на парашюте с небольшой высоты было бессмысленно. Несмотря на то, что кусок винта отлетел, летчик рванул свою машину ввысь, и так резко, что повредил себе позвоночник. Зато он смог, уже без единой капли горючего, спланировать на свой аэродром.

— С первых дней Отечественной войны брат был на фронте, командовал эскадрильей. В сорок третьем, в неполных двадцать шесть лет, погиб. Нас было четверо братьев на фронте, а вернулся я один...

Знаменательные совпадения

В десятилетке, где учился Иван Сергеевич Зудилов, советовали обязательно написать о нем: он первым из аэроклубовцев начал бить фашистов. Это сообщение привело меня в дом его отца, сапожника из артели «Бытовик» Сергея Ивановича Зудилова. Глава семьи отсутствовал. Застал я только мать Героя — Наталью Васильевну.

— Семерых я вырастила. Трое воевали. Сколько горя набрались мы из-за них в ту проклятую войну, сколько ночей не спали!.. Теперь все слава богу, только бы снова войны не было. А дети один другого лучше. Иван, вы уже знаете,— полковник. Второй мой, Григорий, тоже был на фронте летчиком, теперь директором десятилетки работает. Третий, Леонид, служил на флоте, а стал учителем. Владимир по годам в войне не участвовал, но и он летчик. Дочь Валентина — экономистка. Двое самых младших, Людмила и Борис, еще при нас...

На столе появился ворох грамот, полученных детьми за отличия в учебе, труде и армейской службе. Не только грамотами отмечены члены семьи старого сапожника: они награждены сорока орденами и медалями!

— А Ваню, жалко, повидать вам не придется сейчас: далеко служит... Пока он дома жил и в школе учился, любил модели самолетов строить. Бывало, на неделю вперед все задачи решит, чтобы время для моделей освободить. Как в аэроклуб поступил, так и вовсе часа по три в ночь спал, все занятия и полеты, уроки и модели... А про его фронтовые дела мало знаю. Если хотите, дам вам его дневничок, уже много лет лежит, даже поистерлось все...

...Война разбудила Ивана среди ночи, а он и не догадывался, что на этот раз тревога не чета всем прежним учебным тревогам: началась война. Зудилов дрался смело, не считаясь с численным превосходством фашистов. Подожженный в бою и раненный, он выбросился с парашютом, попал в госпиталь, но сбежал оттуда.

Ему предстояло летать над Орлом и Курском, Конотопом и Нежином, Черниговом и Гомелем, а потом в небе Польши, прежде чем стать участником парада Победы. Но еще задолго до того Зудилову присвоили звание Героя Советского Союза.

И характерно: в один день с ним удостоили Золотой Звезды его товарища по аэроклубу Андрея Григорьевича Хвастунова, впоследствии тоже участвовавшего в параде Победы.

Это совпадение знаменательно: оно еще дважды повторялось с питомцами вязниковского аэроклуба. В один и тот же день стали Героями Афанасий Петрович Лукин и Михаил Ильич Мочалов, позднее Василий Алексеевич Киселев, Николай Иванович Прошенков и Николай Дмитриевич Хорохонов, хотя воевали они в разных частях и соединениях.

Остается добавить, что звание Героя Советского Союза присвоили еще двум аэроклубовцам: Михаилу Максимовичу Глебову и Анатолию Федоровичу Рыбакову. Как сложилась их судьба?

М. И. Мочалов на уроке в школе.

А. Ф. Рыбаков.

Город Вязники.

Все они, за исключением Хорохонова, погибшего в сорок четвертом году, прошли на фронтах примерно такой же путь, как и Зудилов. И, подобно ему, ныне полковники Лукин, Прошенков и Хвастунов, подполковники Глебов и Рыбаков продолжают служить в армии. Мочалов после армии стал преподавать историю в школе: хоть с большим опозданием, но сбылась его юношеская мечта. И только Киселев не дожил до наших дней: в пятидесятом году он погиб при испытании боевого самолета.

На водных рубежах

Из всех вязниковских героев в родном городе живет только Ананий Васильевич Сабашников.

Очень озадачил меня при встрече этот высокий, худощавый человек, заместитель директора базы Главтекстильторга. Сабашников неторопливо изложил все «анкетное». Сын рабочего. На два дня старше Октября. В тридцать восьмом окончил льнотехникум, работал на «Свободном пролетарии». Интересовался преимущественно своей профессией: теплотехникой. Во всяком случае, к военному делу вкуса не имел. А в сорок первом отказался от брони, уехал в соседний город, где формировались воинские части. Воевал, получил офицерское звание, командовал ротой. Когда же я спросил, за что ему присвоили высокое звание, Ананий Васильевич мягко улыбнулся:

— Право, подробностей не знаю.

— Как же так? — удивился я.

— Форсировал Западную Двину, делал то же, что и раньше.

— А все-таки?

Сабашников ничего толком ответить не смог. Я недоумевал: что это, чрезмерная скромность? Но тут подоспела и разгадка.

— Было трудно, а подробностей не помню, меня сильно ранило.

Разузнать некоторые «подробности» позволил старый комплект армейской газеты.

Соединения и части двух фронтов окружали в июне сорок четвертого года Витебский укрепленный район гитлеровской армии. Рота Сабашникова действовала на участке, где обоим фронтам предстояло сомкнуться, завершая окружение: их разделяла Западная Двина. Только накануне рота Сабашникова под ожесточенным огнем форсировала реку Уллу и, пройдя пять километров по непролазным болотам, взломала у деревни Орехи оборону противника, выбила его из траншей. Теперь командира роты послали на новое дело: ему приказали высадить десант на вражеском берегу Западной Двины, близ населенного пункта Бешенковичи, чтобы проложить дорогу подразделениям своего полка и другим частям. С группой гвардейцев Сабашников выполнил приказ, преодолевая огневой шквал противника. Анания Васильевича дважды ранило, но он не оставил поля боя, отражая беспрестанные контратаки. И удержал плацдарм до подхода основных войск, расширивших полосу прорыва. Оба фронта соединились. Двое суток велись суровые бои. Двое суток, непонятно как держась на ногах, Сабашников продолжал командовать ротой. Лишь когда укрепленный район гитлеровцев рухнул и наши войска освободили Витебск, Ананий Васильевич согласился лечь в госпиталь. Его надолго увезли в глубокий тыл...

Вязниковцы рассказали, что еще четыре их земляка стали героями в сражениях на берегах советских рек: сапер Алексей Сергеевич Агафонов, командир стрелкового полка Михаил Семенович Борисов, командир танковой бригады Григорий Васильевич Прованов и бронебойщик Леонид Сергеевич Седов. Все они погибли.

Но на самом деле таких героев не пять, а шесть.

Всегда там, где тяжело

Вот как обнаружился шестой из них, Павел Иванович Кузнецов. Вязниковцы, охотно помогавшие разыскивать семьи героев, подсказали еще один адрес. Поспешив туда, я нашел Екатерину Александровну Кузнецову и Ольгу Ивановну Игонину, мать и сестру Героя.

— Верно, про Павла тут мало знают,— приветливо закивала головой старушка, которой накануне исполнилось восемьдесят два года.

Вошла Ольга Ивановна. Она рассказала, что брат родился в деревне, под Вязниками. В школе ФЗУ получил специальность токаря и работал на предприятии. Пожелав в юности стать киноинженером, учился на рабфаке, потом в институте, в Ленинграде, где тогда жила и она, Ольга Ивановна. Как только брат окончил институт, его избрали секретарем райкома комсомола. Снова учился: окончил Высшую партийную школу в Москве. В первые дни войны, двадцати пяти лет, пошел на фронт, служил в политотделе армии. В сорок третьем назначили заместителем командира гвардейской мехбригады по политчасти.

— За что ему дали звание Героя? За форсирование Днепра. Он ведь политработник и был всегда там, где тяжело...

...Осенью сорок третьего года, когда подготавливалось освобождение Киева, бригаде приказали форсировать Днепр у Канева и сковывать на правобережье силы гитлеровцев. Едва началась переправа, противник открыл ураганный огонь, не прекращавшийся ни на мгновение. Это могло вызвать замешательство среди необстрелянных новобранцев, которыми бригада только что пополнилась. Чтобы они не падали духом, Кузнецов перебрался через Днепр одним из первых.

Как только люди уцепились за правый берег, гитлеровцы двинули на них танки и пехоту. Все же гвардейцы вышли к намеченным рубежам. Фашисты, засевшие на господствующих высотах в Каневе, не унимались — по восемь, по десять раз в сутки бросались в контратаки. Положение было грозное.

В эти дни вся бригада по-настоящему узнала замполита. Сказалась правильная расстановка коммунистов и комсомольцев в подразделениях. Солдаты на каждом шагу чувствовали заботу о себе. Как ни бушевал огонь, они вовремя получали и питание, и медицинскую помощь, и почту с письмами из дому, и свежие газеты. Случалось, что артиллерия оставалась без снарядов, их не успевали подвозить. Замполит шел к артиллеристам, и они брались за винтовки. Если было нужно, сам вел солдат в бой; он участвовал в отражении двадцати трех контратак.

Гвардейцы стояли насмерть в огневом аду, отбивая у фашистов пядь за пядью. За проявленную при этом отвагу двадцати трем воинам бригады, в том числе замполиту, присвоили звание Героя...

После войны Кузнецов возвратился в Ленинград. Кандидат исторических наук и доцент, он теперь работает в горкоме партии, где заведует отделом пропаганды и агитации.

Выше горных орлов

Шорников, сказали мне, недавно вышел в отставку и живет в Москве. Вернувшись из Вязников, я встретился с ним в Советском комитете ветеранов войны.

— Если хотите, я увлекся авиацией случайно,— начал свой рассказ Александр Сергеевич Шорников.— Больше тридцати лет прошло с той поры. На берегу Клязьмы приземлился самолет. Из мальчишеского любопытства я, конечно, был тут как тут. Уж не знаю почему, но летчики позволили мне забраться в кабину и даже показали приборы управления. Самолет отправился дальше, а я, знаете, потерял покой. Приделал к своим санкам крылья и фюзеляж, обтянул их мешковиной и надумал лететь: повредил себе ногу, изорвал штаны, и за них мне вдобавок ко всему попало от отца...

Шли годы, Шорников работал на фабрике имени Карла Либкнехта. В восемнадцать лет назначен был помощником мастера, избран секретарем комсомольской ячейки. А небо манило сильней и сильней. В тридцать третьем окончил летное училище, служил в Закавказье. Перед войной уже слыл знатоком горной авиации.

Грянула война. Командир транспортного корабля, он высаживал в тылы противника партизанские десанты, возил на передовую реактивные снаряды для «катюш». Задания были одно сложнее другого. Нужно было привести из Англии самолет. Шорников одиннадцать с лишним часов, без посадок, один, шел над проливом Скагеррак, островом Готланд, Рижским заливом, над оккупированной советской территорией и благополучно прибыл в Москву.

В начале сорок четвертого года в Югославию назначили советскую военную миссию. Переправить ее в горы Боснии, где находился тогда штаб Иосипа Броз Тито, поручили члену миссии Шорникову.

— Летели мы кружным путем,— рассказывает он,— и сели в итальянском городе Бари, но там застряли. Из-за снежных буранов югославские партизаны не могли быстро подготовить аэродром в Мадыно-Поле. Члены миссии и наш штурман Якимов улетели на планерах, пилотируемых боевыми самолетами. Через неделю Якимов сообщил, что аэродром готов. Как только стемнело, я вылетел. Достигнув Мадыно-Поле, я ничего хорошего, признаться, не увидел. Сигнальные огни мерцали в глубоком ущелье. Перед посадочной площадкой громоздились сопки, разделяя ущелье надвое. Как тут сесть? Пришлось перетянуть машину через сопки, и, полностью убрав газ, с математической точностью планировать к кострам. Когда члены экипажа выходили из самолета, всех их подхватили и на руках понесли югославские партизаны, выражая так свою радость: они очень опасались за жизнь советских авиаторов...

Десятки таких опасных рейсов совершил Шорников. А его ожидало еще более трудное задание.

Гитлеровцы надумали захватить штаб Тито. В районе Дрвара они сбросили парашютный десант, перерезавший все дороги из этого города в горы. Большая группа десантников спустилась в непосредственной близости от штаба. Штаб надо было эвакуировать. Шорникову приказали вылететь в Купреское Поле, неподалеку от Дрвара. Кружась над захваченной гитлеровцами территорией, Александр Сергеевич нашел посадочную площадку. А посадочных сигналов не было видно из-за сплошной облачности. Лишь через полчаса в разрывах клубившихся облаков обозначились внизу далекие огоньки, а затем и посадочная площадка, предательски изрезанная горными ручьями.

После посадки прибыл Тито. Он осведомился, какова погода в горах и над морем, сколько человек может взять самолет. Решили, что полетят двадцать человек: Тито и другие руководители югославского штаба, а также главы военных миссий СССР, США и Англии.

Перелет прошел безукоризненно. В ту же ночь Шорников сделал еще один рейс в Купреское Поле.

Вскоре летчика наградили орденом Народного Героя Югославии. Одновременно ему присвоили звание Героя Советского Союза.

* * *

А на родине вязниковских героев жизнь идет своим чередом. Уже выросло новое поколение молодежи. Иные школьники решают задачи на неделю вперед, выкраивая время для конструирования моделей,— не только моделей самолетов, но и ракет для межпланетных путешествий. Физкультурой увлекаются юноши и девушки сильнее прежнего. В ближайшие годы, утверждают вязниковцы, у них будет много мастеров спорта. И кто знает, какие еще подвиги совершат молодые вязниковцы.

Звезда братства

Рассказ

Натан РЫБАК

Рисунок Г. ЕПИШИНА.

За год до войны тут построили обсерваторию. У крутого перевала Верховин, на выступе скалы, приютилось небольшое здание с куполом и башней, обнесенное каменной стеной. Вокруг тянулись густые буковые леса, плясали в долгие зимние ночи вьюги, и злые карпатские ветры стучали в окна. Старик-астроном Солошенко, его помощник Федоров и служитель Нечипорук составляли все население «Ласточки», как окрестили обсерваторию гуцулы в окрестных селениях. Действительно, маленькая и аккуратная, она чем-то напоминала ласточку, присевшую отдохнуть на выступе огромной скалы.

В здании обсерватории текла своеобразная жизнь. Многим, попадавшим сюда на день — два, было странно и непонятно, как три человека коротают тут дни и ночи вдалеке от людей, будто отрешившись от всего мира. Но Иван Никифорович Солошенко больше всего в мире полюбил этот краешек скалы на Верховинском перевале и ни на что уж не обменял бы свою узкую, похожую на каюту комнату, заставленную громоздкими приборами и заваленную до потолка книгами. Отсюда, с высоты нескольких тысяч метров над уровнем моря, неусыпно вела наблюдения «Ласточка» за тайнописью звездного ковра глубоких небес, прослеживала пути еще неведомых светил, и в далекие города сообщала она о надвигающихся бурях, циклонах, о странных и неожиданных капризах природы. Многие летчики и капитаны, ведущие в дальние рейсы свои самолеты и корабли, садоводы и виноградари, агрономы и пахари не всегда знали, что частицею своих успехов и удач они обязаны обитателям далекой «Ласточки».

Ночью, когда на огромный мир, лежащий у подножия Карпат, опускались черные, непроглядные покровы темноты, Иван Никифорович Солошенко поднимался в башню и садился у телескопа. Его взору открывался мир, заманчивый и загадочный.

Приветливо мерцали звезды, синело небо, а он неторопливым движением руки поворачивал штурвал телескопа. Миры проплывали перед его спокойным и пытливым взором, но он искал звезду, уже однажды промелькнувшую перед ним в радиусе созвездия Большой Медведицы. Звезда эта стала его заветной мечтой. Он знал, что рано или поздно найдет ее и определит ее место, ибо в точных вычислениях, произведенных им, звезда эта уже существовала как нечто реальное и неопровержимое. Внизу, у входа в башню, часто сиживал старик Нечипорук — верный друг Ивана Никифоровича; гуцул дымил длинной трубкой, смотрел на небо и ждал, когда заскрипят двери башенки и покажется на пороге согбенная фигура Солошенко. Вместе с ним Нечипорук коротал здесь вечера и так же, как он, полагал, что нет в мире лучшего места, чем «Ласточка».

Гуцулы прозвали Нечипорука звездочетом, и он не обижался. Любил он небо и звезды и был несказанно доволен, когда Солошенко показывал ему в телескоп неведомые, далекие планеты.

«Ласточку» с остальным миром соединяло радио. Были установлены традиционные часы, когда все обитатели собирались в круглом небольшом зале у радиоприемника слушать последние известия. Нечипорук слушал Кремлевские куранты, думал о Москве, и сердце его замирало. Он мечтал пройти по широкой Красной площади, снять шапку у Мавзолея Ленина и увидеть легендарные высокие стены Кремля.

Часто, когда старый астроном и Нечипорук оставались вдвоем, они любили предаваться воспоминаниям. Солошенко рассказывал старому гуцулу о далеком крымском городе Симеизе, где он провел свое детство и молодость, о Черном море, о просторе таврических степей. И вместе астроном и гуцул вспоминали, перебивая друг друга, тот день, когда Солошенко приехал на Верховинский перевал, как начали строить обсерваторию, а из далеких долин пришли люди-братья и как новая жизнь осенила каждую хату, каждую горную тропу.

— Знак новой жизни,— говорил, улыбаясь, гуцул и показывал астроному маленькую красноармейскую звездочку, которую хранил в кармане.

— Красноармеец мне подарил. Я с отарой в горах был,— вспоминал, улыбаясь, Нечипорук,— вдруг вижу, бежит внучка. «Дедушка! — кричит мне.— Скорее в долину! Червона Армада пришла, целуются все, дедушки пляшут, на трембитах играют!» Ты вот, Иван Никифорович, звезду свою ищешь; должна она тебе такую же радость принести, как мне в то памятное утро эта.

И гуцул при этих словах снова показывал астроному маленькую красноармейскую звездочку. Она играла рубиновым светом на его широкой, потрескавшейся ладони, и Солошенко безмолвно обнимал старого гуцула за плечи.

— Вот когда найдешь звезду, которую ищешь,— сказал однажды Нечипорук,— назови ее таким именем, чтобы всякий, кто взглянет на нее, вспомнил нашу советскую землю.

— Хорошие слова ты сказал, друг мой! — отозвался астроном.— Седьмой десяток живу я на свете, много звезд видел на небе, сколько из них промелькнуло и сгинуло, скрылось в неизвестности, растаяло в мироздании, но та звезда, которую ищу, она особенная.

Старик-астроном встал рядом с Нечипоруком у входа в обсерваторию. Перед ним во все стороны, словно застывшее, вспененное море, стлались горные хребты, синели леса, и зубчатые, острые скалы щербили ясную линию трепетного горизонта. Перед ними стлался мир, красивый и замечательный, и астроном хотел поведать своему другу о немеркнущем сиянии пятиугольной звезды. Но Иван Никифорович не успел этого сделать. Прибежавший снизу помощник одним словом нарушил все его мысли и всю стройность мира, которая казалась ему незыблемой и вечной.

Так к обитателям «Ласточки» пришла война. Ушел в долину Федоров, унося с собой последнюю сводку, сказав на прощание Ивану Никифоровичу и Нечипоруку:

— Год мой призывной, воевать пойду.

Крепки были прощальные объятия... А потом пришли немцы. Они разбили телескоп и радиоаппараты, сожгли дневники и, пообещав вернуться, спустились в долину.

Остались Солошенко и Нечипорук одни в разграбленной «Ласточке», и сердца их были переполнены горем и отчаянием. Казалось, еще по семидесяти лет на плечи им упало. С неба на них смотрели те же звезды, и то же небо, такое знакомое и далекое, раскинуло над ними свой купол, а внизу, у подножия перевала, шумели о чем-то своем, таинственном, леса, и грозный гул доносился из долины.

— Иван Никифорович, я в селение спущусь, погляжу, что там делается,— сказал спустя несколько дней после нашествия Нечипорук. Солошенко молча кивнул головой. Оставшись один, он поднялся в башню. Дрожащими руками он перебирал обломки телескопа, и, как слезы, сползали с его рук куски стекла.

Нет, не смерть страшила его, а то, что между ним и Родиной пролегла какая-то злове-

щая, черная полоса, которую надо стереть с лица родной земли, и что он слаб и одинок, и он показался себе метеоритом, оторвавшимся от планеты, мечущимся в мироздании. В эти минуты Солошенко ощутил свои преклонные годы, как некую непреодолимую преграду, встававшую на его пути.

О многом передумал Солошенко, сидя в полуразрушенной башне над обломками телескопа. Наступила ночь, и зажглись в небе звезды, и теплый ветер вознес в горы едкий запах гари, дыхание пожарищ и смерти, а клыкастый месяц, цепляясь за сизую тучку, качался над Верховинами, так же, как вчера и позавчера, и много дней тому назад; и старик-астроном, увидев созвездие Большой Медведицы, вспомнил о звезде, которую он искал, и вспомнил одновременно звезду на ладони Нечипорука, и ощутил в сердце своем какой-то новый беспокойный и вместе с тем радостный трепет.

Вернулся Нечипорук и принес малоутешительные вести. Селение немцы сожгли, гуцулы ушли в горы. Немцы ползли на машинах и пешком через все перевалы на Восток. Старик-гуцул дымил трубкой, рассказывая горестные вести, а Солошенко, смежив веки, молча слушал его.

В ту ночь оба они решили никуда не уходить, а оставаться в «Ласточке» и ждать.

— Не может того быть,— сказал Нечипорук,— чтобы немец победил край наш.

— Не бывать этому никогда! — горячо откликнулся Солошенко.

И они ждали. Дни и месяцы их ожидания стали страшной повестью о страданиях и лишениях, о муке и тоске. Оставленные на произвол судьбы, забытые врагами, что немало радовало их, старики жили все эти долгие дни и ночи мечтой. Случалось, что сутками они молчали, не обращаясь друг к другу. Иногда с гор к ним спускались гуцулы и приносили пищу. Но уйти из «Ласточки» они не могли. Сидя на лавочке у каменной стены, опоясывающей обсерваторию, они смотрели на горы, простиравшиеся перед ними, и думали о далеких долинах и городах, где кипели битвы, где лилась кровь. По ночам, когда в осень глухо роптал лес, Солошенко казалось, что это морские волны наползают на гору, и ему вспоминалась прошлая жизнь, годы исканий и труда, блужданий в мире планет, шуршание логарифмической линейки, сухой шелест бумажных листков. А наутро после таких воспоминаний он нашел тетрадку и карандаш, отыскал логарифмическую линейку и осторожно, словно боясь кого-нибудь спугнуть, сел за стол в задымленной кухне, где они теперь ютились с Нечипоруком.

Нечипорук улыбнулся и, ступая на цыпочках, вышел на двор. Он сел на пороге, и закурил свою трубку, и стал ждать, как в те дни, когда его друг закрывался в башне у телескопа. Вспомнив о чем-то, Нечипорук вынул из кармана звездочку, подаренную ему красноармейцем, и, потягивая трубку, разглядывал ее. Морщины как-то сами по себе разбежались на лице, улыбка озарила его сурово сведенные уста. Он видел далекий день и явно слышал голос внучки:

— Дедушка! Червона Армада пришла!

По ночам Солошенко часто рассказывал Нечипоруку о звездах. Он говорил о таинственном, загадочном мерцании небесных светил и думал о войне, и им обоим страстно хотелось увидеть сияние звезды, о которой они так задушевно беседовали в день, когда страшная беда нагрянула на них.

— Дожить бы нам,— говорил часто Иван Никифорович.

— Должны дожить,— твердил уверенно Нечипорук.

Грея руки у огня, они в длинные зимние вечера вели тихие беседы о прошлом и о будущем, старательно избегая разговора о настоящем. Они ведь хорошо понимали, что словами не поможешь, а что-либо предпринять были не в силах.

И старик-астроном часто склонялся над столом, раскрыв свою заветную тетрадку, углублялся в расчеты, заменившие ему теперь телескоп и созерцание движения родных и любимых им светил. Мелкий бисер вычислений покрывал странички тетради, на полях ложились прямо и вкось отдельные слова. Узкий листок бумаги, казалось, вмещал в себя весь огромный и еще до конца не распознанный мир планет и светил. Перед взором Ивана Никифоровича совершали свой путь планеты, пылало солнце и струила свое холодное серебряное сияние застывшая луна. Но всегда в этом равномерном движении миров или в хаосе мчащихся метеоритов и падающих звезд он ясно видел сияние одной звезды, ее немеркнущий свет животворными лучами согревал его усталую душу и заставлял учащенно биться сердце.

...Много месяцев пронеслось у скалы на Верховинском перевале. Однажды среди белого дня к ним пришли гуцулы. Они принесли им барана и мешок муки. Статный парень в ярко вышитой жилетке с немецким автоматом в руках пил воду из кувшина и улыбался. Он вытер краем ладони усы и сказал:

— Гей, хозяева, недолго осталось ждать, идет наша Армия Червона.

— Правду кажешь? — схватил его за рукав Нечипорук.

— Правду, дедушка, вон послухай! — Молодой гуцул повернул голову к Востоку и протянул руку к крутому хребту, спадавшему в долину.— Послухайте.

И астроном и служитель обсерватории услышали далекий грозный гул, наползающий из долины, словно по гребням штормовых волн взбиравшийся сюда, на скалу, к «Ласточке».

— То наши пушки бьют, прощайте! — весело закричал гуцул и побежал вниз и уже оттуда, с тропинки, помахал старикам шляпой.

— Воюй немца крепко! — крикнул ему вдогонку Нечипорук, и ветер подхватил его слова, и они еще долго ломались о выступы скал громким неумолчным эхом.

А ночью неожиданно на «Ласточку» пришли немцы. Окаменели Солошенко и Нечипорук, потупив взоры. Как было понять случившееся? Как было постичь беду, упавшую на них? Перед ними стояли два немца и еще один человек с завязанными за спиной руками, в желтой кожанке, с повязкой на голове, из-под которой сочилась кровь и сбегала струйкой по щеке. У пленного было смуглое лицо, горящие, словно угли, глаза и орлиный нос. Он был выше на голову немцев, широк в плечах и строен. Астроному он показался орлом, которому перевязали крылья. А Нечипорук смотрел на него, как зачарованный. На его фуражке увидел гуцул голубой околыш, словно полоску синего неба, и на этой полоске яснела алая пятиугольная звезда. Сердце Нечипорука быстро забилось, и он весь подался вперед.

...Немцы хозяйничали в комнате, приказали развести в печи огонь. Пленного подтолкнули в угол, и он в изнеможении опустился на пол, прислонившись спиной к стене. Немцы вели между собой отрывистую беседу, похожую на ссору, грызли сухари и рыскали взорами по сторонам. Солошенко все понимал. Разговор немцев обрадовал его и опечалил. Он понял, что они намерены заночевать тут, а на рассвете уйти через перевал, в Венгрию, и увести с собой советского офицера-летчика, захваченного в плен при аварии самолета. Из разговора немцев астроном узнал также, что летчик, когда самолет потерпел аварию, был в забытьи, а очнувшись, стал бороться с немцами и двоих убил. О многом узнал Иван Никифорович и понял, что он и Нечипорук должны сделать все возможное, чтобы спасти летчика. А старый гуцул, словно по немому сговору, думал о том же. Он смотрел на тощих обозленных фашистов, чем-то напоминавших ему волков, и в сердце его закипала тяжелая ненависть.

— Не русский, видать, сердешный,— тихо обратился Нечипорук к астроному, показывая взглядом на пленника.

— Я осетин, отец,— не раскрывая глаз, ответил пленник,— есть такой народ.

— Не разговариваль! — заорал немец и замахнулся автоматом на пленного. Но тот даже не открыл глаз, только по бледному лицу бежали тени отблесков огня из печи. Немец погрозил автоматом Нечипоруку и снова принялся за сухарь.

— Осетин,— повторил про себя Нечипорук. Да, он впервые слыхал о таком народе. Но знал старик, что много народов населяет его необъятную Родину от Карпат до Кавказских гор, когда-то, еще до войны, много рассказывал ему об этом Иван Никифорович, а привелось ему однажды в Черновцах быть на большом сборе, где вечером перед громадой, сидящей в уютном, светлом зале, танцевали на подмостках веселые люди в костюмах разных народов, и все они, статные и красивые, взявшиеся за руки, плясали бурный, как горный водопад, танец.

Огонь в печи угасал.

— Еще дров,— потребовал немец.

— Нарубить надо, нет дров,— отозвался Нечипорук.

Астроном удивленно посмотрел на гуцула. В кладовой лежали нарубленные дрова, и обман мог дорого стоить Нечипоруку. Немец внимательно посмотрел на гуцула, потом разбудил спавшего и сказал:

— Вперед! — И показал гуцулу автоматом на дверь.

Нечипорук встал и переступил порог. Немец с автоматом вышел вслед за ним. Густая темень словно плеснула в них черной, непроглядной волной.

— Эй, где ты? — спросил сорвавшимся голосом немец.

Вместо ответа Нечипорук ударил его топором по голове. Тупой треск и стон в мгновение поглотил вой ветра, и гуцул схватил убитого немца за ноги и оттащил от порога. Он поднял автомат и даже не глянул в сторону немца. Лесоруб Нечипорук знал хорошо силу своего удара.

...Взошло солнце над Верховинами и озарило крутые тропы, спадающие в долину. Поднимались в горы красноармейцы. Держа на весу автоматы, зорко озираясь по сторонам, ступали гуськом пятеро бойцов. Вдруг передний подал знак рукой, и бойцы замерли. Было слышно только, как шуршат кусты, но бойцы также услышали звук шагов и по знаку сержанта залегли на выступ скалы. Из-за кустов показались люди.

— Стой! — грозно приказал сержант, выдвигая вперед автомат, и еще четыре автомата поднялось над выступом скалы.

— То свои, свои! — закричал радостно Нечипорук.

Бойцы, выйдя из-за выступа скалы, увидели гуцула Нечипорука с автоматом в руках, немца с завязанными за спиной руками и астронома Солошенко. В одной руке он сжимал автомат, а другой поддерживал за плечи раненого летчика.

...Внизу, у подножия скалы, через Верховины проходили советские войска. За перевалом, на венгерской земле, уже гремели советские пушки, и астроном и гуцул, стоя у ворот обсерватории, без устали махали шляпами проходившим бойцам. Ветер развевал их седые длинные бороды и уносил на своих крыльях горячие слова приветствий, которые выкрикивали они. Гуцул Нечипорук разжал руку, и все увидели красноармейскую звезду, лежавшую на ладони.

— Звезда братства,— сказал астроном.— Вечен и неугасим ее свет.

— Истина,— ответил гуцул и прикрепил маленькую красноармейскую звездочку к рубашке, у самого сердца. Боец в каске протянул измятую солдатскую манерку гуцулу и, улыбаясь, сказал:

— С освобождением, папаша!

— Счастья вам и долгой славы! — торжественно ответил гуцул и, поклонившись низко бойцам, пригубил манерку. Он протянул ее затем астроному — и так она обошла круг из рук в руки.

— Звезда братства,— молвил гуцул словно про себя,— вот и название для твоей звезды, Иван Никифорович. Лучшего не придумаешь. Правда?

— Правда,— согласился Солошенко.— Нет и не может быть лучшего имени для нашей звезды...

...Стало солнце над Верховинами. Летели ветры над горами и лесами. Пламенели багряно знамена над колоннами войск, спускавшихся по крутым тропам перевала, и грохот орудий звучал благовестом свободы и справедливости.

Перевод с украинского

В. К. Дмитриевский, И. В. Евстигнеев, Г. И. Прокопинский. РОЖДЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ.

Студия военных художников имени М. Б. Грекова.

«Огонек».

П. Т. Мальцев. ШТУРМ САПУН-ГОРЫ.

Студия военных художников имени М. Б. Грекова.

П. И. Жигимонт. СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ.

Студия военных художников имени М. Б. Грекова.

В. К. Дмитриевский. В РОДНЫХ МЕСТАХ.

Студия военных художников имени М. Б. Грекова.

АРКАДЬЕВ ТРЕНИРУЕТ АРМЕЙЦЕВ

Марк **ДОНСКОЙ**

Кому бы ни симпатизировал зритель, он всегда с уважением встречал выход на поле футболистов команды ЦДКА. Они представляли Советскую Армию. Уважение было завоевано также отличной коллективной игрой, высокой спортивной культурой, дисциплинированностью, мастерством каждого игрока.

Но вот уже несколько лет армейские футболисты разочаровывают зрителя, вызывают огорчение, чувство досады. Кажется, что команду подменили. Исчезло многое, что было приобретено длительной и тщательной тренировкой и воспитанием.

Вспомним прошлое.

С 1944 года команду тренировал заслуженный мастер спорта Борис Андреевич Аркадьев. Разносторонне образованный человек, хороший педагог и воспитатель, практик и теоретик, он очень много сделал для команды. Чем отличалась игра армейцев от игры других коллективов? Футболисты ЦДКА были отличными техниками, прекрасными тактиками и хорошими атлетами.

Поиски новых методов тренировки, новой тактики, новых форм воспитания требовали длительного времени и экспериментов.

Достигнутое поднимало команду на новую ступень мастерства.

— Не следует думать,— говорит Аркадьев,— что коллектив — это собрание игроков, даже очень хороших; это прежде всего собрание людей, ясно понимающих задачи, воодушевленных волей к победе, чувством ответственности за общее дело, умеющих отдавать себя целиком ради этого общего дела.

С чего это начинается? Хороший воспитатель должен уметь привить вкус к труду, к тренировочным будням, охватывающим весь строй чувств человека. Это не делается с кондачка: раз-два — и команда готова. Требуется время, требуется длительная, кропотливая работа тренера. Но вот создан коллектив. После этого вновь начинается работа с каждым футболистом.

Понятие «коллективность» требует расшифровки. Некоторые тренеры и теоретики, например, утверждали: мы играем коллективно, мы играем в пас, это, мол, и есть коллективность.

— Да,— отвечал Аркадьев,— основа игры — пас, но предать забвению важнейший компонент игры — обводку, «дриблинг»,— значит упрощать коллективность. Если обводка в этот момент была действительно единственно целесообразным приемом, то, конечно, неверно называть обводку индивидуальной игрой. Игрок, применяющий обводку с пользой для своей команды и в соответствии с общим тактическим планом ее игры, действовал в пользу коллектива.

Каждый игрок команды ЦДКА играл артистично и разнообразно, умел быть тактиком, применять силовую игру, разрешенную правилами. Эти качества воспитал Аркадьев в каждом футболисте.

Постоянные поиски нового дали весьма важные для развития нашего футбола результаты. Стоит вспомнить: «сдвоенный центр», «атакующий полузащитник», обработка мяча в «одно касание», «усиленный край». Все это было введено и творчески освоено командой ЦДКА и ее тренером.

Весьма важным Аркадьев считает общее интеллектуальное развитие спортсмена. Чем выше общая культура спортсмена, тем ощутительнее результаты игровые. Взаимоотношения воспитателя и воспитуемых строятся на дружбе, товариществе в сочетании со строгостью, откровенностью, без панибратства, амикошонства и ложного демократизма.

Известное высказывание В. И. Немировича-Данченко: «Режиссер умирает в актере» — можно по аналогии применить к тренеру, сказав, что тренер умирает в игроке. Однако нельзя упрощенно понимать эту мысль. Замысел тренера не умирает в футболисте, а получает зримое выражение в самой игре.

Педагог-тренер должен уметь находить новых талантливых спортсменов. Этим ценным качеством в полной мере обладает Аркадьев. Стоит вспомнить, что он работал с такими талантливыми спортсменами, как Федотов, Гринин, Николаев, Никаноров. В составе ЦДКА каждый год появлялись молодые способные игроки: Демин, Бобров, Водягин, Чистохвалов, Башашкин, Нырков, Петров, Елизаров и другие.

Люди эти воспитывались исподволь, без крикливости и поспешного возвеличения, ибо панегирические статьи о молодых спортсменах вредны и мешают их росту, мешают и тренеру и команде. Вот почему воспитанию скромности футболистов Аркадьев придает большое значение.

Все это мы вспомнили в связи с тем, что Аркадьев после некоторого перерыва вновь приглашен тренировать армейскую команду.

Недавно мне пришлось присутствовать на занятиях команды ЦСК МО. Тренер нелицеприятно вскрывал ошибки каждого игрока, откровенно и доказательно, но с прямотой говорил и о достоинствах. Каждая ошибка анализируется, находятся ее причины, указываются пути ее преодоления.

Мы смотрим игру армейцев со сборной командой гарнизона. Я впервые вижу молодого спортсмена А. Двоенкова, о котором уже успел прочесть в нескольких газетах немало хвалебных строк. Откровенно признаюсь: было обидно за некоторых моих коллег — спортивных корреспондентов, которые так поспешно и легкомысленно расписали достоинства молодого спортсмена. Это игрок с хорошими физическими данными, рослый, крепкий. Но над ним надо еще очень много работать, по существу, начинать с азов, нужно ему самому еще трудиться и трудиться. А там видно будет.

Я недоуменно смотрю на Аркадьева и говорю:

— Это еще очень-очень неготовый футболист.

Аркадьев разводит руками и иронически улыбается:

— Вот видите, а ваши коллеги уже расписали! Но будем работать. Привьем вкус к будничной работе, к скромности, к труду. Мы армейский коллектив, это нас ко многому обязывает.

Итак, Аркадьев вновь тренирует свою любимую команду. Болельщики ждут ее успешных выступлений, и они имеют все основания надеяться, что их ожидания оправдаются.

Заслуженный мастер спорта СССР Борис Андреевич Аркадьев.
Фото А. Бочинина.

Артисту Л. И. Кисловскому — на сей раз пламенному испанцу — надо «сразить соперника шпагой». Советы лейтенанта Валерия Нудельмана ему для этого необходимы.

НАШИ ПОДШЕФНЫЕ

Римма **ЛИХАЧ**

Отъезд на гастроли всегда связан с хлопотами. Упаковывают чемоданы, отбирают костюмы. Гримеры еще раз осматривают парики, последние швы кладут придирчивые портные,— словом, у всех во Владимирском драматическом театре сейчас полно забот. И не удивительно: в результате конкурса, в котором состязалось 600 участников, 62 человека из гарнизона уезжают в Москву на окружной смотр солдатской самодеятельности.

А при чем же тут Владимирский драматический театр имени Луначарского?

Большая дружба связывает актеров и солдат. Постоянные шефские спектакли, солдатские утренники, руководство художественной самодеятельностью...

Случается, театр просит дать военных музыкантов в оркестр. Желающих всегда бывает с избытком. Побывать на репетиции заманчиво. С волнением следят солдаты за романтической историей Тристана и Изольды.

Суровое поле

Глава из романа

Анатолий КАЛИНИН.

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО

На первых порах ему помог туман и то, что сами охранники в горячке бросились за теми тремя, которые попрыгали с откоса шоссе направо. Должно пройти время, прежде чем они спохватятся, сосчитают пленных и вернутся с ищейками назад в поисках следов, оставленных Андреем.

Благословенны вы, туманы, выпадающие в горах Норвегии в это время года и превращающие день в непроницаемое подобие ночи! В двух шагах теряется человек, и торопливый звук его шагов тут же и глохнет, как в вате. Сказывается и то, что Андрей уже достаточно коротко был знаком с повадками эсэсовской охраны. Обнаружив свою ошибку, она сразу бросится от шоссе круто влево, а он еще долго бежит назад и лишь потом начинает углубляться в горы.

Мозжит... Серое сеево оседает на гранитные камни, на горный альпийский мох мельчайшей пыльцой, скользкой, как плесень. До этого жил Андрей в степи; там, куда ни шагни, ровно, не оступишься; не знал он, что потребуется ему и скакать с камня на камень. Руки и ноги часто срываются, неумело цепляясь за шероховатый гранит, и что-то очень быстро захлебывается сердце, как мотор под непосильной нагрузкой. Хорошо еще, что можно напиться из выбоины в гранитной плите, куда капля по капле набежала влага, сочащаяся с гор, сверху.

Ему ни за что бы не сориентироваться в чужих горах, если бы в зеркале его глаз не отражалось и не отпечатывалось все-все, когда их колонну гоняли день за днем по шоссе на рубку мачтовых сосен. Не случайно он выбрал себе и этот путь, хотя с ним и не согласились его товарищи — те трое, что бросились от шоссе вправо. Этим путем он обязательно должен выйти к руслу потока, который стекает из седловины в горах, с ледника вниз к фиорду. И потом нужно только строго придерживаться русла потока. Если на фиорде не удастся набрести на сговорчивого хозяина рыбацкой шхуны, который согласился бы перевезти его через пролив, то ничего другого не останется, как украсть шхуну, а что же еще делать?

А за проливом — Дания, материк; там можно будет опять нырнуть на платформу под брезент и теперь уже не слишком забываться и не спешить чувствовать себя на чужой земле как дома.

Товарищи Андрея отказались от этого пути и предпочли ему свой — все время сухопутьем в Швецию. Кто знает, может быть, потом Андрей и увидится с кем-нибудь из них и доподлинно узнает, как им удалось уйти от погони.

Но тут же ему приходится и отказаться от этой надежды. За его спиной, по ту сторону шоссе, вдруг сразу прекратилась, оборвалась беспорядочная стрельба, и зловещая тишина повисла над горами. Можно наверняка сказать, что это должно означать. Слышно, как там весело взлаивают собаки, как всегда, когда они возвращаются с удачной охоты. Но это также означает, что сейчас они возвратятся назад по шоссе и займутся поисками четвертого.

Необходимо идти побыстрее. За это время Андрей углубился в горы километра на три — на четыре. Идет он правильно. Отдаленный звук потока, жужжащего в ущелье, как рой пчел или ос, приблизился и превратился в гул. За ним неотступно катился в горах другой — эхо.

Туман... От собак он не может спасти. Сейчас по их виноватому, жалобному тявканью и по окрикам охранников можно догадаться, что они еще мечутся из стороны в сторону вдоль шоссе, в поисках следа, но это не будет продолжаться особенно долго. Постепенно они будут все дальше и дальше отбегать от колонны, расширяя круги, и в конце концов обязательно дойдут и до места, где Андрей повернул от шоссе в горы.

Но если даже им сегодня и не поможет этот их прием, рано или поздно их должна будет навести на след кровь, оставляемая на камнях в горах босыми, израненными ногами Андрея. Когда ротенфюрер Карл сказал, что там принимают и разутых, он не знал, что Андрею еще предстоит совершить этот путь по горному бездорожью, в тумане. В сером сумраке нога слепо нащупывает тропу, натыкается на острый излом, на сколок с гранита. На ступне, на щиколотке остаются ссадины, порез, а на граните — пятна крови и багровая роса мельчайших крапин. И из самого маленького пореза, из царапины, оказывается, может выбежать много крови, и, главное, ее ничем не остановишь. Прежде стоило лишь послюнить ссадину и заклеить ее листком. Но на этих камнях только и растет ржавый мох, а повыше, в складках гор, — сосны и кедры.

Как и всегда в таких случаях, эсэсовцы уложили сейчас всех пленных вниз лицом на шоссе, и кто пошевелится, тот и останется потом лежать с круглой дырой в затылке. Товарищи Андрея лежат сейчас на мокрой булыжной груди шоссе и тоже по тявканью собак, по окрикам охранников силятся определить, далеко ли он уже успел уйти за это время от погони. И вдруг тявканье прекратилось.

Так и есть, теперь они молча идут по следу. Вот когда началась охота. С этой минуты, кроме однообразной, угрожающей песни быстротечного потока, в горах — ни звука.

С котелка бурачного варева и на разутых, израненных ногах быстро не побежать в горах, перескакивая с камня на камень. И с этим серым месивом — с тума-

ном — можно мириться лишь до поры, пока он еще скрывает тебя от погони. Его нужно разгребать руками. Почему такие вязкие, непроницаемо-густые выпадают в горах Норвегии туманы?

Было бы у Андрея сейчас время взглянуть себе на ноги, он увидел бы, что они у него, как в чулках,— красные. Но и без этого он узнает во рту этот сладкий железный привкус. Кровь...

Он возвращается по своим следам назад и потом круто берет влево, выходя к руслу потока. Вскоре за его спиной пробежали мимо собаки, и вот уже они опять виновато, жалобно заскулили.

Тем временем он вышел к потоку и пошел вниз, вдоль его русла. Нет, он забрел в воду и идет по щиколотки в воде к фиорду. Пусть они думают, что он переправился через поток, и поищут его на той стороне ущелья.

Так мало осталось мяса под кожей у Андрея, что студеный холод горной ледниковой воды тотчас же достал до костей и, как жестким обручем, охватил его ноги. А стремительное течение даже здесь, на мелком, так и хочет свалить его с ног и завертеть с порога на порог, как вертит оно темные коряги — корневища и гнилые стволы рухнувших где-то вверху в эту горную реку мертвых кедров и сосен.

Ему не под силу идти в этой быстрой и холодной, как лед, воде; метров через пятьсот или шестьсот он вышел из нее на берег и сел на плоский камень спиной к другому — побольше этого — камню. Ноги он свесил в воду: у него нет другого средства остановить кровь, хоть их и сжимает холодом, как тисками. И сейчас же окрасилась кровью, окаймилась желтыми каемками вокруг его ног ноздреватая белая пена потока.

Сперва он сидел на камне, привалившись к другому камню спиной, а потом стал медленно сползать по граниту как-то в сторону, боком. Надломилась на тонком стебле шеи голова, упала на плечо. Она-то и перевесила его тело. Так и лег он на камень боком.

* * *

Ничего нет зловещее этой тишины в горах, отчеркнутой ревом потока. Разбуженный ею Андрей вздрогнул и поднял голову. Ищейки смолкли. Значит, опять уверенно взяли след и выполняют свою работу.

И теперь, в третий раз, они вряд ли дадут обмануть себя какой-нибудь новой уловкой.

Да, время ему уже и подниматься с гранитной плиты, на которой так хорошо сидеть, привалившись, как к спинке стула, к другому камню. Но тело не слушается, никак не хочет вставать и опять брести на израненных, кровоточащих ногах, разгребая руками туманную муть, как вату.

Андрей поднял голову и внимательно посмотрел на воду и дальше вниз, по бурному течению реки, раздвигающей горы. А что, если?..

Собаки не лаяли; они снова нащупали след и теперь обеспокоены лишь единственно тем, как бы опять не сбиться. Конечно, это их безошибочно ведет кровь, оставленная на каменистой тропе Андреем. Кажется, она уже не течет из ссадин и порезов на ступнях и на щиколотках ног, вода вокруг них уже не окрашивается, не желтеет. Но она же и ухватила, сдавила их, эта струящаяся с гор ледниковая вода; достала до самых костей, как железом.

Уже отчетливо доносятся по ущелью и голоса проводников овчарок. «Форвертс, форвертс!» — понукает ищейку ближайший к Андрею голос. Ого, значит, сам ротенфюрер Карл принимает участие в погоне со своим зеленоглазым черным псом-переродком, помесью немецкой овчарки с австрийским бульдогом. В лагере у Андрея достаточно было времени убедиться в том, что обычно, натравливая собаку на дичь, голубоглазый ротенфюрер Карл никогда не запрещал ей воспользоваться и трофеями своей охоты.

Они уже почти под самым валуном, за которым сидит, свесив ноги в поток, Андрей; слышно, как под ними осыпается каменное крошево, и даже сквозь туман виднеются их фигуры. Скулит и повизгивает пес, вплотную учуявший дичь своими разверстыми ноздрями. «Форвертс!» — ласково поощряет его хозяин. По-русски это означает «вперед».

Почему бы и тебе, Андрей, не воспользоваться этой командой? Так вперед же, если тебя не устраивает компания этих двуногих и четвероногих зверей, вырвавшихся из преисподней вселенной!

Из тумана у самого подножия гранитной глыбы, за которой укрылся Андрей, показывается длинная, с оскаленной красногубой пастью и свешенным набок языком голова и вслед за ней другая, круглая, в глянцевом дождевике-капюшоне. Андрей встает. Весь остаток своих сил в руках и измученном теле он собирает в последнем усилии, чтобы обрушить на них гранитную глыбу, и ногами вперед соскальзывает в студеную кипящую воду. Странно и согласно слившийся — звериный с человеческим — душераздирающий вопль тут же и заглох среди гор в яростном грохоте потока.

Когда-то он рисковал переплывать перед хутором Дон прямо через коловерть у левобережного яра, где так часто тонули хуторские быки и лошади. Один из всего хутора переплывал. На левом берегу его ждала Дарья, она тогда еще работала дояркой на задонской ферме, и они еще не были женаты.

Не то было время, и связки мускулов не болтались в мешочках дряблой кожи, как сухой желток, не та сила. И степная медленная река даже в своих самых беспокойных местах не может сравниться с этим горным потоком, который гудит в тесном ущелье, как в трубе, извиваясь к фиорду.

Самое главное — суметь обойти зазубрины гранитных обломков там, где они загромоздили русло потока и выступают из-под воды, из белой клокочущей пены, как щуки. Чаще всего они поджидают целым стадом, и нужно успеть извернуться, чтобы проскользнуть между ними боком. Иногда Андрею это удается, а иногда зазубриной так и сдернет с плеча или с бедра лоскут кожи. Ему некогда повернуть голову, чтобы увидеть, как окрасилась в этом месте кровью и сразу же опять сделалась ослепительно белой ноздреватая пена.

За стадом гранитных щук обычно скрывается порог — глубокая клокочущая яма, из которой ни за что не выбраться, если ее не успеть перемахнуть сверху. Ни секундой раньше, ни секундой позже суметь вскинуться над водой и, перелетев через яму, оказаться на другой стороне, как это делает форель — единственная обитательница этих стремительных горных речек.

Но порогов много, а в запасе уже совсем не осталось сил, и все меньше повинуется изнуренное и измученное, жалкое тело. Все дольше после нового броска через порог оно беспомощно кувыркается по течению, как обломок бревна, прежде чем опять начинают выравниваться движения рук и ног и постепенно сливаться, совпадать с бурным движением дикого потока к фиорду. В глазах опрокидываются и кружатся сосны, вершины гор и между ними по-весеннему голубые полыньи зияющего сквозь туман неба.

Самое удивительное, что Андрей давно уже перестал чувствовать, как обжигает его ледниковая вода: чтобы почувствовать, тоже нужно иметь время. У него же только и времени, чтобы успеть увернуться, проскользнуть и ни на секунду позже уловить нарастающий впереди, за каменной грядой, шум нового, очередного порога.

Чем ближе к фиорду, тем торопливее горная река, как будто за ней тоже погоня. До чего же стремительны, быстротечны речки в горах Норвегии! Совсем изнемогло тело, последние силы ушли на неравную борьбу, и уже совсем редко показывается из воды спутанная голова, чтобы глотнуть воздуху. Но и ущелье раздвигается, уж не море ли это поблескивает внизу из-за сосен? Да, море.

Теперь еще только один и остается перед фиордом порог, последний. Но и самый большой. Это его шум надвигается на Андрея, вскипает гребень воды.

От погони, Андрей, ты ушел, а вот как теперь тебе выйти из этой сумасшедшей игры, из которой выходят живыми, пожалуй, одни рыбы?

Темная рука одна лишь слабо поднимается у перепада над водой, и вслед за этим невесомое, безжизненное тело в крутой стене воды начинает неудержимо соскальзывать вниз, в пучину.

В этот самый миг при свете бурной, протестующей вспышки гаснущего сознания видит Андрей: Дарья в красном платье протянула с берега руки, чтобы выхватить его из клокочущей и затягивающей его все глубже воронки под яром. Дашутка...

* * *

Так и не узнал Андрей, выплеснул ли его поток или выловил из воды этот человек в зюйдвестке, который стоял над ним на коленях и всматривался в его лицо своими старческими голубыми глазами.

Андрей лежал на береговой гранитной плите, орошаемой мокрой мельчайшей пылью. Поток проносился мимо и впадал в фиорд.

Первое, на что тут же по привычке взглянул Андрей, были руки этого человека, и он с облегчением увидел у него твердый черный нарост на подушечке правой ладони — закостеневшую дорожку от нейлоновой лесы, которой норвежские рыбаки доставали из моря треску.

...Леса бывает не короче ста — ста пятидесяти метров, и, когда она уходит под воду, она впивается и огнем жжет кожу на сгибе указательного пальца, почему со временем и получается эта твердая, как кость, бороздка.

ЧАПАЕВЦЫ ИЗ СЕЛА МЕЛЕНЦИ

Генрих БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Жива был переводчиком странным. Он снисходительно слушал то, что говорил по-сербски мой собеседник, затем поворачивался ко мне и спрашивал:

— Понятно, да?

Я отвечал, что непонятно, и только тогда удивленный Жива начинал переводить. Когда говорил я, повторялась такая же история.

Жива Чулуман, знающий и русский и сербский языки, никак не мог взять в толк, как это люди не понимают друг друга, когда все так просто: «шешир» — это шляпа, а «полако» — это медленно! Ну что тут непонятного?

В конце концов он действительно научил меня понимать сербский без перевода, особенно когда собеседник говорил «полако». Совсем легко было разговаривать со стариками. Не ошибусь, если скажу, что в селе Меленци девяносто процентов из них знает, вернее, помнит, русский язык: почти все побывали в России.

Но Жива знает русский лучше всех. У него великолепная, хотя и несколько неорганизованная память. Иногда в голове его поворачивался какой-то рычажок, ведающий песнями, и Жива начинал петь русские песни, сыпать частушками, без остановки перескакивал с одной на другую и произвольно смешивал строки. Лучше всего у него получались песни солдатские:

Ночи темные,
Тучи огромные
По-под небесу идуть
Наши хвабры робьята
С обучения идуть...

Дальше без паузы следовало:

Маруся отравилась,
Везуть ее у больныцю...

И еще добавлялось:

У саратовской гармони
Бо̀лють пальцы на ладони...

Живе завидовали. Он знал об этом и всегда выхвалялся перед стариками своей удивительной памятью.

— Солдат, девок любишь? — неожиданно спрашивал он по-русски.

И сам же отвечал:

— Люблю.

— А они тебя?

— И я их!

Все смеялись, а старый Рада Кеврешан, или Родион, как он сам мне представился, говорил, оправдываясь:

— Ты ж моложе меня, вот ты и помнишь!.. Пожил бы с мое, повоевал, как я, вот тогда бы и разговаривал.

— Точно,— отвечал совершенно серьезно Жива, которому недавно стукнуло 65,— я по сравнению с тобой сосунок еще, мальчишка...

Жива — плотный видный мужчина. Двигается он, выпятив вперед живот и опираясь на толстую палку. Грудняк и чакшире из овчины он не носит, говорит, что это для стариков, а он ничего еще — молодой. Как видно, Жива имел в свое время успех у женщин, потому что старики, хитровато посмеиваясь, говорили мне:

— О, у нас Жива над барышнями герой!

Жива не отрицал. Он скромно опускал глаза долу и объяснял, что «действительно, бывали дела когда-то».

Как я потом понял, старики не без ехидства упоминали о геройстве.

Дело в том, что все меленцинские деды участвовали в первой мировой войне. Село тогда находилось на территории Австро-Венгрии. Меленчан призвали в 1914 году в австро-венгерскую армию и послали на русский фронт. С момента прибытия на передовые позиции возле Тернополя и до момента добровольной сдачи всех меленчан русским не прошло и двадцати четырех часов. Они не собирались воевать на стороне Франца-Иосифа против славянских братьев. В России они встретили февральский переворот, потом Октябрьскую революцию. Перед меленчанами, как и перед каждым человеком в России, встал тогда вопрос: с кем?

Вот тут-то Жива и дал маху. И всю жизнь вспоминает о том с огорчением. Нет, не подумайте, что он пошел за белыми: он же все-таки понимал, что такое для крестьянина мир, земля, власть. Но он не пошел и за красными, хотя всей душой сочувствовал им. Жива любил выпить, был не дурак поесть, поспать, и походная жизнь его не устраивала. Он дипломатично решил «не вмешиваться во внутренние дела соседней державы» и выждать, чем все кончится.

Конечно, таких, как он, мудрецов было немало, но многие сербы приняли сторону красных. Среди них было двадцать три меленчанина. И так распорядилась судьба, что все эти двадцать три служили одно время в Красной Армии под началом легендарного Василия Ивановича Чапаева.

Сейчас из двадцати трех в живых — двенадцать. Когда эти двенадцать стариков-чапаевцев собираются и начинают вспоминать о России, о революции, о боевых делах... О, Живе то — нож острый! Ведь все время, пока те дрались с белыми, он, Жива, мирно и бесславно работал батраком то в одном хозяйстве, то в другом. Жива принимает в такие моменты индифферентный вид: мол, слышали эти истории уж сколько раз! Но не уходит. Уж очень интересные вещи рассказывают старики.

Вот, к примеру, Миладин Тюрчич. Боевой дед. Старый, старый, а взгляд у него прямой, острый, пронзительный. Серьезный человек. Недаром был он в свое время членом полкового военно-революционного комитета в добровольческом сербском корпусе.

— И вот, значит, в феврале семнадцатого произошел переворот,— рассказывает Тюрчич, поглаживая свои белые отвислые усы.— Русские солдаты, которые были, значит, в нашей дивизии, пригласили нас отпраздновать это дело. Наши офицеры узнали, конечно, приказывают не ходить. Но мы посовещались и решили все же пойти, посмотреть, значит, как и что. А офицеров наших предупредили, что, если они не отстанут от нас, мы их всех, значит, того, поперестреляем... Был, значит, митинг. Выступал один русский, а после — наш, серб, Никола Грулович. Оба хорошо говорили. Потом поставили на стол мальчика-сироту. Он совсем один — отца убили, а мать умерла. Всю его жизнь рассказали нам. Вот с тех пор, значит, я и пошел за красных...

Или вот Милан Кельячки. Он среди чапаевцев выглядит моложе всех. Волосы еще не совсем белые, усы маленькие, подстрижены аккуратно. Он командовал отрядом в знаменитом Саратовском интернациональном полку и, как говорят, первым вошел в Самару. До сих пор остальные деды, которые были когда-то у него в подчинении, слушаются своего командира. «Чекайте!» — строго произносит Кельячки, и старики «чекают» — ждут, пока не выскажется командир. А командиру есть что порассказать. Он, например, видел Ленина.

— Когда Саратовский полк был расформирован, я еще с двумя сербами поехал в Москву, на политические курсы. Месяца два мы учились. Луначарский нам преподавал. Ох, до чего ж говорил здорово! Без бумажки, о чем хочешь... Все знал... Сидишь, голодный, слушаешь, не шелохнешься, и уходить неохота... Так вот, в те времена как раз убили Карла Либкнехта и Розу Люксембург. Состоялся митинг, говорил сам Ленин. Столько было народу, что, пойди дождь, я думаю, земля бы осталась сухая. Шестнадцать военных оркестров и тысяча красных знамен...

После политкурсов,— рассказывает бывший командир Кельячки,— мы отправились домой. Взяли с собой по полмешка хлеба и по мешку разных брошюр, листовок и книг. Только когда через Польшу шли, у нас это все отобрали. Да...

Вернулись селяки в родные места разными путями, но приблизительно в одно время: в девятнадцатом—двадцатом годах. Вернулись все — и чапаевцы и нечапаевцы,— только те не пришли назад, кто сложил свою голову на русской земле, защищая общее дело.

Очень скоро после возвращения в село чапаевцы смогли создать в Меленци довольно крепкую ячейку компартии. Первым ее секретарем был уже знакомый нам Кельячки. И когда проходили в Югославии выборы в парламент...

Но об этом может и Жива рассказать. Дадим ему слово, а то уж очень долго он молчал.

— Это я помню, это я очень хорошо помню. Было тогда в Югославии партий — не пересчитать на пальцах! Тринадцать. Поставили тринадцать коробочек. На каждой написано, какая партия. Коммунистическая была последней — тринадцатой. И вот каждый, кто голосует, идет около коробочек и в каждую по очереди руку пихает, чтобы тайна была. Понятно? А в руке резиночка. Куда резиночку опустит — за ту партию и голос отдал. Ясно? Резинка для того, чтобы не слышно было, как она в коробку падает. Потом, когда подсчитали,— в тринадцатой коробке больше половины всех резинок. Я свой голос, между прочим, тоже в тринадцатой коробке оставил. Понятно?..

Понятно, Жива, понятно. Именно после этого события за Меленци прочно закрепилась кличка «коммунистическое село». Так его

Жива Чулуман.

вокруг и звали. Когда меленчане приходили в город Зренянин в ярмарочный день, сразу по базару проносился шепоток: «Вон коммунисты пришли!» Кто шептал с испугом, кто с любопытством, но многие и с симпатией.

А потом югославская компартия была объявлена вне закона. Коммунисты перешли на нелегальное положение. В Меленци арестовали Кельячки и еще несколько человек. И узнай тогда полиция, что в ее руках бывшие чапаевцы, не слышать бы нам теперь рассказов Кельячки о Ленине. Но никто не выдал. И в конце концов меленчане вернулись в родное село.

Прозвище «коммунистическое село» не исчезло. Наоборот, разговоров о Меленци было все больше и больше, и в тридцатых годах село называли уже не иначе, как Мàла Мòсква — Маленькая Москва. Ну, что ж, на это тоже были основания.

Я переписал названия книг, которые тайно доставлялись в Мàлу Мòскву из Белграда и тайно распространялись среди селяков, отнюдь не только коммунистов. Вот эти книги:

Максим Горький — «Мать», Михаил Шолохов — «Поднятая целина», Алексей Толстой — «Хлеб», Николай Островский — «Как закалялась сталь», Иосиф Сталин — «Вопросы ленинизма», Георгий Димитров — «Доклад на VII конгрессе Коминтерна».

Именно в Мàлой Мòскве произошла в 1938 году забастовка, о которой много говорили в Югославии. Меленцинские батраки, доведенные до отчаяния низкой платой, собрались в помещичьи дворы с вилами и объявили, что, пока помещики не повысят плату за их труд, не выйдут батраки в поле убирать жито. Два дня не уходили батраки с помещичьих дворов. И помещики сдались: дождь мог хлынуть каждую минуту, а искать штрейкбрехеров в Мàлой Мòскве было бесполезно.

Когда югославская королевская армия капитулировала перед гитлеровцами, меленчане по призыву коммунистов спрятали имевшееся у них оружие и начали копить силы для партизанской борьбы. После нападения гитлеровцев на Советский Союз почти вся деревня стала партизанской.

Когда я собирался в Меленци, в Белграде, в секретариате информации, мне назвали имя и фамилию нынешнего секретаря сельского комитета Союза коммунистов — Живу Куручева. Но в деревне, как выяснилось, называли его «Дýшей» — прозвищем, под которым дрался Куручев в партизанах.

С ним и с добровольным переводчиком Живой Чулуманом мы ездили по местам партизанских боев на старинном немецком легковом автомобиле. Селяки называют его «Роммелем», из-за того что был он когда-то выкрашен под цвет пустыни Сахары и в деревне до сих пор ходит слух, что сам немецкий генерал разъезжал в нем по Африке. Когда «Роммель», тарахтя всеми своими частями, мчится по улицам Меленци, поднимая тучи едкой пыли, собаки разбегаются во все стороны, женщины зажимают уши ладонями, а греющиеся на солнце меленцинские старики, завидев на переднем сиденье важного Живу, шумно веселятся и кричат дребезжащими голосами: «Роммель, впере-ед!» Но Живу не так-то легко пронять, и он сидит важный и неприступный. Он ведь не греется на солнце, как некоторые, а занимается серьезным делом...

У меленчан был отряд, который скрывался в кукурузе. Кроме того, существовало несколько диверсионных групп, члены которых днем находились в деревне, вели «мирный» образ жизни, а ночью подрывали немецкие склады, снимали часовых, убивали офицеров. Пожалуй, только старики-чапаевцы постоянно сидели дома. Но они нужны были именно здесь. Они собирали сведения, передавали партизанам еду, прятали оружие. Пригодился чапаевцам военный опыт. Но и другие старики, в том числе и наш переводчик, не отставали. Никто бы из немцев и не подумал, что у добродушного, толстого Живы Чулумана собирались по ночам, перед очередной операцией, партизаны.

Был в отряде радиоприемник. Хороший радиоприемник. Принимал и Америку и Англию. Но чаще всего он был настроен на волну Москвы. «Как русские?» — вот вопрос, от которого зависело настроение отряда.

Когда немцы объявили, что взята Москва, не верили меленчане; взят Сталинград, — не верили и этому. Они слушали сводки Совинформбюро, размножали их вручную и за два дня оповещали население всех близлежащих сел о положении на Восточном фронте.

Однажды радио передало весть о победе Советской Армии под Сталинградом. Первый раз за много времени плюнули партизаны на маскировку. Играл тогда в кукурузе старенький аккордеон, пили партизаны прошлогоднее вино и пели песни. Что пели? Ну, конечно, «Катюшу»! Ее знала вся молодежь. Старики же чапаевцы потихоньку пели в селе песни революционные и еще «Волга, Волга, мать родная!». Ее запевал, безусловно, Жива Чулуман.

Гитлеровцы тоже отметили Сталинград. В лагере военнопленных под Зренянином, что в десятке километров от Меленци, было расстреляно полтораста заключенных.

Узнав об этом, партизаны решили напасть на лагерь. Так в партизанский отряд попал русский солдат по имени Ванька. «То есть, извиняюсь, Ваня, Ванюша», — поправился Жива, переводя мне рассказ об этом со слов Дýши.

Сейчас в Меленци не помнят фамилии русского солдата, а может быть, и не знали ее. Но помнят, что звали его официально Иван, по-дружески — Ванька, а девушки — Ванюша. И никто не сохранил о нем воспоминаний официальных, а только дружеские и нежные.

Храбрость его вошла в пословицу. Очень скоро после вступления в отряд стал Ваня командиром партизанского взвода. Партизанил он до самого прихода Советской Армии. А потом попрощался с друзьями и пошел со своей армией добивать гитлеровцев. Где он сейчас, никто из меленчан не знает.

Дорогой Ваня, если попадутся вам на глаза эти строки, примите поклон от меленчан, среди которых вы с честью пронесли высокое звание русского советского человека.

Ну, а когда пришла в Меленци Советская Армия, то... Нет, нельзя найти такие слова, чтоб рассказать, как встречали в Мàлой Мòскве советских людей. Во всяком случае, меленчане такие слова найти отказались. И старики и молодые, рассказывая мне об этом радостном событии, только возбужденно размахивали руками и произносили какие-то восторженные междометия. Хотя Жива все-таки нашелся. Он ответил на мой вопрос так:

— А что же говорить, как встречали! Чего ж говорить!.. Советская военная кухня трое суток не работала. Вот и все... Потому что наши меленчане всех ваших солдат по хатам растащили, и поили, и кормили. Понятно?.. Поварам делать было нечего... Чего уж говорить!..

Такова краткая история села Меленци, которое больше известно в Югославии под названием Мàлой Мòсквы.

Старики-чапаевцы. Слева направо: Владимир Лозанич, Петр Иконович, Душан Бошняк, Чеда Марков, Миладин Тюрчич, Веселин Марков, Сима Краваров, Милан Кельячки, Душан Лончарски, Младен Бибин, Рада Кеврешан.

После войны прошла здесь земельная реформа, создавались кооперативы — задруги. Сейчас этих задруг, типа наших колхозов, в Меленци две. То, за что боролись меленчане-чапаевцы в бурные годы гражданской войны, за что боролись крестьяне между двумя войнами и в партизанах, постепенно входит в жизнь Югославии.

За те несколько дней, что я провел в Меленци, мне показалось, притронулся я к священным корням, на которых выросла нерасторжимая дружба двух народов — русского и югославского. Вот Жива. Он любил русских, как и его отец, и дед, и прадед, за общность языка, за общее славянское происхождение. Потом пришла дружба более глубокая и сильная. Меленчане теперь знали, что и славяне бывают разные. Сколько здесь беглых врангелевцев в свое время прошло! Не дай бог таких «братьев». Это очень хорошо уразумели меленчане. Кельячки и его друзья-чапаевцы разъяснили, что такое Советская Россия, что такое советский русский человек. Любовь, дружеское чувство к Советской России стало глубже, чище, яснее. Это чувство окрепло во время совместной борьбы против гитлеровского фашизма, это чувство сейчас пронизывает сердце каждого честного югослава.

Когда теперь я вспоминаю это село в Воеводине, стариков-чапаевцев, молодого Дýшу, который рассказывал на собрании деревенских коммунистов о значении XX съезда КПСС для югославского села Меленци, то кажется мне, что прав был добродушный Жива: не нужен толмач, если русский разговаривает с сербом. Действительно, разве нужны переводчики, если два народа понимают друг друга сердцем!

ТРУБКА ДРУЖБЫ

Недавно в экспозиции Музея Революции СССР в Москве появился новый экспонат — серебряная трубка. Мало кому из посетителей музея приходилось видеть такую трубку. Все в ней необычно: и размер, и форма, и красивая резьба. Привлекают внимание на трубке также две надписи. Одна сделана на китайском языке, другая — на русском. По-китайски написано, что трубка изготовлена мастером Му Бедином в городе Ханькоу, расположенном на многоводной реке Янцзы. Русская надпись гласит: «Подарок друга. Урал 1918 г. Завод Сылва».

— Это трубка дружбы,— сказал участник гражданской войны Эрнест Иванович Сокольский, передавая ее в музей.

В годы гражданской войны Сокольский был командиром взвода Пермского железнодорожного батальона. Однажды в 1918 году батальон получил задание выбить белогвардейцев с завода Сылва на Урале. На одном из привалов по пути на завод к Сокольскому подошел худощавый боец-китаец Фу Си-лян.

— Курить хочу,— сказал он и вынул из вещевого мешка необычный предмет, напоминающий трубку.

Табак в батальоне был на вес золота — курили все, что попадало под руку, но для китайского друга табак нашелся. Одна за другой потянулись к нему руки бойцов, и скоро трубка была доверху набита табаком. Фу Си-лян, глубоко втягивая крепкий табачный дым, рассказал красноармейцам историю трубки. Он получил ее от отца, а отец от деда. С этой трубкой бедняк обошел весь Китай в поисках работы, с ней он приехал по вербовке на работу в Россию в 1915 году на уральские заводы. Вместе с русскими рабочими он пошел защищать Советскую власть.

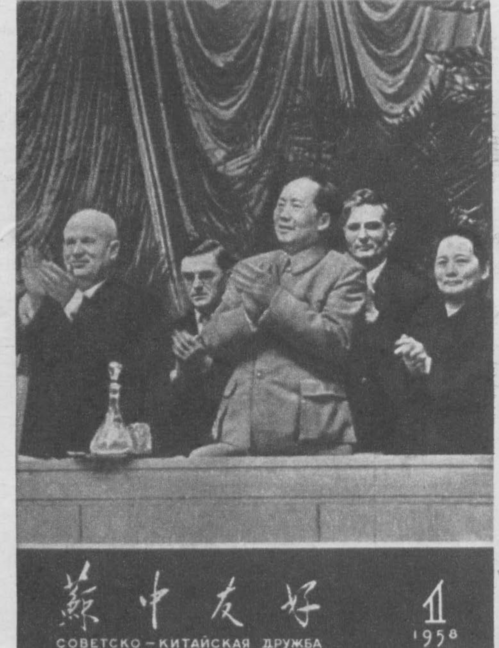
...Белогвардейцы упорно обороняли завод Сылва. На одном участке конница белых прорвала цепи красноармейцев. Над головой Фу Си-ляна блеснула шашка врага. Выручил Сокольский: его меткая пуля выбила белогвардейца из седла. Вскоре батальон перешел в наступление, и завод был освобожден от белых. После боя Фу Си-лян подошел к Сокольскому и крепко пожал ему руку. Потом он сел к костру, вынул трубку и долго что-то вырезал на ней. Закончив работу, Фу Си-лян протянул трубку Сокольскому. На трубке было написано: «Подарок друга. Урал 1918 г. Завод Сылва». Сокольский был глубоко взволнован подарком; он рассказывал своему другу о Москве, о Ленине, об Октябрьской революции.

— В Китае тоже нужна революция, плохо там рабочие люди живут,— сказал Вася, как звали Фу Си-ляна бойцы батальона.

В одном из тяжелых боев Фу Си-лян погиб. Его похоронили в братской могиле вместе с русскими красноармейцами.

Научные сотрудники Музея Революции СССР
И. ЛУПАЛО,
В. ДЕВЯТОВ

«СУЧЖУН ЮХАО»

Эти слова означают по-русски «Советско-китайская дружба». Их собственноручно написал товарищ Мао Цзэ-дун в канун 1958 года для обложки нового общественно-политического еженедельного журнала на китайском языке, издаваемого с начала этого года Обществом советско-китайской дружбы в СССР.

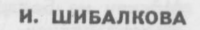
Журнал знакомит китайских читателей с достижениями советской промышленности, сельского хозяйства с успехами науки и техники, с культурной жизнью страны, трудом советских людей. В нем много иллюстраций, репродукций с картин художников.

В первом номере напечатано обращение товарища Н. С. Хрущева к читателям журнала, в котором он выражает уверенность, что «1958 год ознаменуется еще более могучим сплочением великих народов СССР и Китайской Народной Республики на радость всем строителям социализма и поборникам мира, на страх нашим врагам».

Широко известный у нас журнал «Дружба», рассказывающий советским читателям о Китае, подарил своему молодому собрату библиотеку и китайские пишущие машинки.

Редакция получила уже много писем из Китая. Пишут рабочие, студенты, воины Народно-освободительной армии. Читатели Жун И-нун, Хэ Ши-ху, Цзоу И-чан и многие, многие другие сообщают, что с огромным интересом читают новый журнал. Рабочий железнодорожных мастерских города Сиани Чжоу Цзу-чэнь надеется, что журнал «поможет лучше узнать советских людей, поможет учиться у них».

И. ШИБАЛКОВА

В центре — Дмитрий Андреевич Фурманов. Второй ряд снизу: Лидия Августовна Отмар-Штейн (первая слева); Анна Никитична Фурманова — «Ная» (четвертая слева).

ГЕРОЙ «МЯТЕЖА»

Старенькая, растрепанная книжка, пожелтевшие от времени страницы, плохая бумага... На алой обложке нарисованы люди в красноармейской форме, на них со всех сторон направлены штыки.

— Это — самое первое издание «Мятежа» Фурманова,— говорит Лидия Августовна Отмар-Штейн.— Я эту книгу всюду вожу с собой...

Книга Фурманова рассказывает о тех, кто создавал Советскую власть в Семиречье, о горстке коммунистов, которые противостояли пяти тысячам кулацко-белогвардейских мятежников в городе Верном (теперь Алма-Ата). Названы их настоящие имена и фамилии.

На первых же страницах читаем: «Вот девочка Лидочка, восемнадцатилетний несмышленыш — кристально-чистая и наивная, как дитя. Она — наша общая любимица... вместе с нами и она прошла трудный путь, вынесла и выдержала испытанья тех дней, когда смерть стучала по нашим вискам... Она теперь тоже большевичка... Так-то бывает в жизни».

Мы зашли в гости к Лидии Августовне. Она сейчас дома, на пенсии. В ее комнате много снимков Фурманова, его жены Анны Никитичны, боевых друзей времен гражданской войны. Мы спрашиваем Лидию Августовну о Фурманове, рассматриваем снимки...

— А вот еще одна, очень дорогая для меня фотография — Дмитрий Андреевич и мои товарищи по Семиречью. Мы снимались перед самым отъездом из Ташкента.— Лидия Августовна протягивает нам старинную, выцветшую карточку...

— Да, я тогда же и вступила в партию — апрель 1920 года. Рекомендацию мне дал Фурманов,— рассказывает Лидия Августовна.— Я познакомилась с Фурмановым в Самаре. Его тогда отозвали из Чапаевской дивизии и назначили начальником политуправления Туркестанского фронта. Это был 1919 год. Тогда я еще ничего толком не знала о большевиках. Хотелось мне что-то делать, применить свои силы, а как, что — не имела никакого представления. Я только что окончила гимназию, знала немного языки, печатала на машинке. Вот и решила — зайду в политуправление, посоветуюсь.

Переступила я порог кабинета Фурманова с волнением, даже со страхом. Меня встретил красивый молодой человек с чудесными темными глазами. Вы, конечно, много раз видели портреты Дмитрия Андреевича? Ни один из них не передает выражения его глаз — мягких и суровых, грустных и лучезарно сияющих. Черный, военного покроя френч отлично сидел на стройной и крепкой его фигуре. Привлекательность всего облика комиссара поразила меня и расположила к нему необычайно.

«А вы знаете о том, что нам надо скоро двинуться в Туркестан?» — спросил меня очень приветливо Фурманов. Робость, владевшая мною, исчезла. Решение ехать в далекий Туркестан стало непреклонным.

И вот Туркестан, Семиречье, маленький городишко Верный. Все подробности об этом вы найдете в его книге «Мятеж» — вряд ли я сумею рассказать лучше и интереснее.

Я теперь уже немолодой человек и очень люблю жизнь... Тогда я была совсем юной девочкой, жизнерадостной и веселой, но нисколько не боялась смерти. Не думайте, что я была особенной,— мы все тогда были такими. Единственно, что нас беспокоило, так это, чтобы от смерти нашей была польза. Фурманов говорил нам: «Погибая под кулаками и прикладами, помирай агитационно!» И мы всегда помнили его слова, помнили всю жизнь.

Т. ТРОИЦКАЯ

ВОЕННЫЙ ДИРИЖЕР

В дни Великой Отечественной войны студентка дирижерского факультета Московской государственной консерватории Вера Родэ-Чиджавадзе добровольно ушла на фронт. В 110-й дивизии народного ополчения (в дальнейшем 84-я гвардейская ордена Красного Знамени и ордена Суворова Карачевская дивизия) ей было поручено организовать духовой оркестр и ансамбль песни и пляски. Так впервые в истории русской армии женщина стала военным дирижером.

Под руководством гвардии старшего лейтенанта Веры Родэ-Чиджавадзе оркестр вместе с ансамблем дал на фронте сотни концертов. Не раз в траншеях перед атакой наши оркестры играли Гимн Советского Союза, звуки которого сливались с мощным солдатским «ура!». Во время боев солдаты музвзвода выносили с поля боя раненых.

Вместе с частями Советской Армии Вера Родэ-Чиджавадзе прошла боевой путь от Москвы до Кенигсберга, за что была награждена орденами и медалями Советского Союза. После окончания войны она вернулась в Московскую консерваторию, чтобы завершить образование.

Молодой дирижер теперь выступает в столице, выезжает также в гастрольные концертные поездки по стране. В программах ее симфонических концертов — произведения советских композиторов, русская и зарубежная классика.

Ив. ПЕТРОВ

Вера Родэ-Чиджавадзе у дирижерского пульта, 1958 год.

НА СТЫКЕ ДВУХ ЧАСТЕЙ СВЕТА

В сорока километрах от Свердловска по московскому тракту стоит невысокий, разделанный под мрамор каменный обелиск. На нем крупными буквами слова «Европа — Азия»... Этот своеобразный «пограничный» знак уже давно привлекает внимание туристов. Тысячи гостей из различных городов Советского Союза, а также из США, Англии, Чехословакии, Китая и многих других стран побывали здесь за последние годы. Разве можно, приехав на Урал, упустить редкую возможность постоять одновременно в двух частях света: одной ногой в Европе, а другой — в Азии!

Уже стало правилом, что ежегодно в один и тот же воскресный день февраля у этого столба завершают свои зимние маршруты туристы Москвы и Урала. Они заканчиваются традиционным слетом, массовыми спортивными соревнованиями.

В начале февраля этого года на стыке двух частей света был поднят флаг первого Всероссийского слета туристов. Туристы из Москвы, Ленинграда, Челябинска, Свердловска, Красноярска, Казани и многих других городов Российской Федерации участвовали в этой встрече. Прибыли сюда и многочисленные гости из братских республик. Три дня продолжались спортивные соревнования. А перед отъездом, конечно, сфотографировались у памятного обелиска.

Приз победителя увезли ленинградцы.

А. ГРИГОРЬЕВ
Фото И. Тюфякова.

РОДНЫЕ

Мария Блажкова, жительница чешского города Пардубице, часто приходит на могилу советского солдата Тихона Вождаенко, погибшего в боях за освобождение ее родного города. Принося цветы к белому обелиску и зажигая там по народному обычаю свечи, она часто думает о матери Тихона: знает ли та, как мужественно сражался и погиб ее сын, знает ли, что на его могиле в Пардубице стоит обелиск, на котором высечено: «Воину Советской Армии, который отдал жизнь за свободу народов»?

Мария Блажкова, сама потерявшая сына на войне, решила найти родных Вождаенко. И они отыскались в небольшом украинском селе Болотня, Киевской области. Здесь, в передовом колхозе имени Богдана Хмельницкого, живут мать Тихона — Мария Сидоровна, его дочери — Татьяна и Галина. Сын Василий служит в армии, Иван уехал по комсомольской путевке на целину.

Между матерями завязалась переписка. Вся семья Вождаенко просила Марию Блажкову приехать в Болотню.

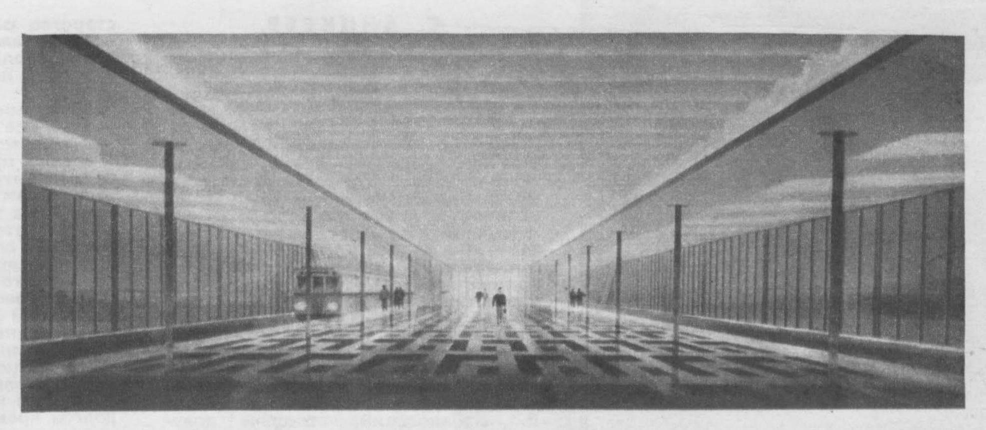
...Встреча двух матерей была волнующей. На митинг собралось более трех тысяч колхозников. Всем хотелось выразить дружеское чувство простой чешской матери, так сердечно ухаживающей за могилой советского воина.

Взяв в руки преподнесенную ей на митинге украинскую вазу с изображением В. И. Ленина, Мария Блажкова сказала несколько слов на русском языке. Это звучало так: «Ленин — всех рабочих друг. Ленин завещал нам жить в дружбе, хранить мир. Наши народы — чешский и русский — выполнят завет Ленина. Мир и дружба!»

И. ДОРОШЕВСКАЯ

Мария Блажкова и Мария Вождаенко.

Станция метро... на мосту

Станция метро «Ленинские горы» — ее проект утвержден и уже претворяется в жизнь — не будет похожа ни на одну из своих предшественниц. Размещенная в нижнем ярусе двухэтажного моста, перебрасываемого через Москву-реку в районе Центрального стадиона имени В. И. Ленина, она как бы повиснет над водой.

Публикуемый снимок дает представление об архитектуре будущей станции. Через огромные стеклянные витражи, заменяющие стены, открывается замечательная панорама Москвы-реки, стадиона в Лужниках, Ленинских гор. Днем залитая естественным светом, вечером сияющая в огнях зеркальных ламп, станция, несомненно, представит собой эффектное зрелище.

Станция имеет два оборудованных эскалаторами вестибюля: на левом и правом берегах реки. Первый из них запроектирован на территории Лужников, второй — на склоне Ленинских гор.

Авторы проекта станции — молодые архитекторы «Мосгипротранса» М. Бубнов, А. Маркелов, М. Марковский, А. Рыжков, Б. Тхор. Они одержали победу в трудном соревновании с опытными мастерами. Конструктивную часть разработал главный инженер проекта моста В. Андреев.

Б. ВЛАДИМИРОВ

Первый кавалер советских орденов

Военное издательство выпустило книгу Н. Кондратьева «Ян Фабрициус» — о замечательной жизни старого большевика, полководца ленинской школы, первого кавалера четырех советских орденов, подлинно народного героя.

Год за годом — со дня рождения (26 июня 1877 года) до трагической гибели талантливого полководца (24 августа 1929 года) — старательно и любовно прослеживает автор жизнь Яна Фабрициуса.

Я близко знал Яна Фрицевича и сейчас, в дни сорокалетия Советской Армии, с особенной теплотой вспоминаю его. Перед моими глазами встает человек, которого отличали отвага и благородство.

Очень рано вступил Ян Фрицевич Фабрициус на тернистый путь профессионального революционера. Начались годы суровых лишений: тюрьма, каторга, ссылка. В первую мировую войну он, как прапорщик запаса, был зачислен в действующую армию. В пору Октябрьской революции и гражданской войны развернулись блестящие военные способности Фабрициуса.

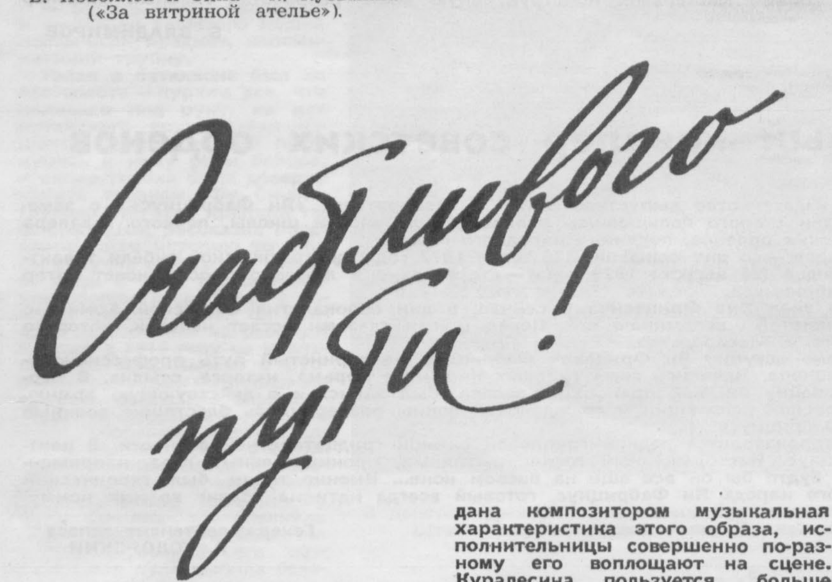
Здесь воспроизводится редкий групповой снимок тридцатилетней давности. В центре его Фабрициус. Настороженный взгляд пытливых, проницательных глаз, напряженная поза, как будто бы он все еще на боевом коне... Именно таким был героический сын латышского народа Ян Фабрициус, готовый всегда идти на подвиг во имя коммунизма.

Генерал-лейтенант запаса
А. ТОДОРСКИЙ

Высший командный состав Белорусского военного округа в 1927 году. Слева направо сидят: командир корпуса М. В. Сангурский, командир корпуса Я. Я. Лацис, командир корпуса Я. Ф. Фабрициус, командующий войсками А. И. Егоров, командир корпуса А. И. Тодорский, начальник снабжения Н. В. Станьковский; стоят: начальник штаба Е. Н. Сергеев, командир дивизии С. С. Вострецов, начальник авиации А. Т. Кожевников, командир дивизии И. С. Кутяков, командир кавкорпуса С. К. Тимошенко.

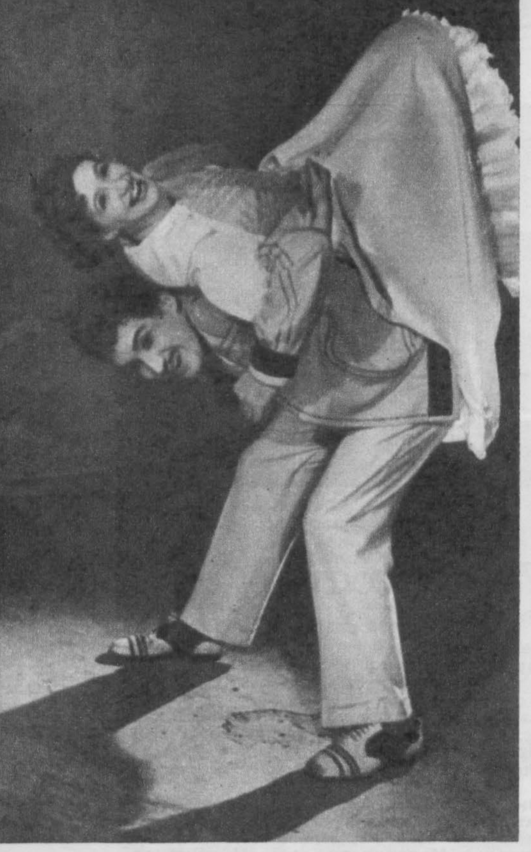

С. АНИКЕЕВ,

заслуженный артист РСФСР

Фото О. Кнорринга.

Футболист Шалико Голберидзе — Б. Поволяев и Зина — К. Кузьмина. («За витриной ателье»).

Каждая театральная премьера для нас, артистов,— всегда событие. Но вот какое? Это становится ясно не сразу. Теперь, когда прошло некоторое время с тех пор, как мы показали наши последние премьеры — «Весна поет» Д. Кабалевского (либретто Ц. Солодаря) и «За витриной ателье» С. Заславского (либретто И. Петровой),— думаю, что можно уже смело сказать: наш «семейный» артистический праздник стал, видимо, и праздником зрителей.

В спектаклях много «именинников». Прежде всего, это композитор Д. Кабалевский, который впервые выступил в жанре оперетты. Своим произведением он сказал новое слово в нашем сложном, но веселом и любимом зрителем жанре. Его музыка проникнута лиричностью, богата напевными мелодиями, великолепными хоровыми ансамблями. Музыка Кабалевского вдохновила постановщика В. Канделаки и дирижера Г. Столярова, вдохновила и артистов. И помогла большинству из них стать именинниками. Вот они... Героиня оперетты — Таня. Ее партию поют наши молодые артистки Нона Куралесина и Таня Шмыга. И, как ни точно дана композитором музыкальная характеристика этого образа, исполнительницы совершенно по-разному его воплощают на сцене. Куралесина пользуется больше своей очень богатой вокальной палитрой, и про нее вернее сказать: она поет Таню. Шмыга играет, заботясь об эмоциональной насыщенности не только арий, но каждой фразы, слова и действия своей Тани. И обе разными средствами добиваются того, что милый, обаятельный душевной чистотой образ этой советской девушки неизменно привлекает зрителя.

Я не случайно на этом несколько подробнее остановился. Мне кажется, что пример этот говорит и о вокальной культуре нашей молодежи и о ее безусловном актерском мастерстве, актерских индивидуальностях и умении самостоятельно работать. Следовательно, налицо результат и одаренности, и учебы,— почти все наши молодые артисты имеют специальное высшее образование,— и, несмотря на молодость, немалого опыта. Ведь в каждой новой постановке Московского театра оперетты главные роли исполняют наши молодые актеры.

Но я не представил вам других именинников. Вот Юрий Богданов. Он поет Бориса в оперетте Кабалевского и молодого художника Чашникова в спектакле «За витриной ателье». Про Богданова тоже следует говорить: он поет. Уж очень он мастерски это делает. Не удивительно, что, несмотря на свой небольшой сценический стаж, 5—6 лет, Богданов, как и Куралесина, уже заслуженный артист. Это высокое звание обоим присвоили еще в Сталинграде, куда приехали они прямо со школьной скамьи. Алексея Феону — Юрия — представлять не надо: москвичи его знают хорошо, а радио и патефонные пластинки познакомили с ним любителей оперетты и других городов.

Дуэт З. Белой и Н. Рубана в оперетте «За витриной ателье».

Жизнерадостность, окрепшее мастерство радостно ощущаются и у исполнителей «каскадных» ролей — Симы, Лолиты и журналиста Броневого, которых играют артисты А. Котова, Л. Фруктина, К. Кузьмина, А. Еланская и А. Пиневич. Все они вместе создают атмосферу молодости, веселья, весны.

Вторая премьера театра — оперетта «За витриной ателье». В тесном творческом содружестве с авторами коллектив театра за короткий срок, мне кажется, также сумел создать веселый спектакль, причем совершенно другого плана. «Весна поет» — это лирическая комедия, скорее даже лирико-комическая опера, в ней молодежь сдавала экзамен главным образом по вокалу. «За витриной ателье» — музыкальная комедия, с большими сатирическими ролями.

Музыка композитора Заславского, долгое время работающего в жанре оперетты, прозвучала на сцене московского театра впервые. Она радует запоминающимися мелодиями, песенностью, яркой музыкальной характеристикой сатирических образов. Композитор дал интересный материал и балетмейстеру и артистам балета для создания ряда номеров, отличающихся друг от друга по разнообразию музыкальных красок — от лирического «адажио» (Т. Соколова и П. Помазков) до острой сатирической танцевальной сценки «Манекен и стиляга» (М. Маркова и О. Сурков).

Молодые архитекторы Таня — Н. Куралесина — и Борис — Ю. Богданов («Весна поет»).

Симочка — А. Котова и журналист Броневой — А. Пиневич («Весна поет»).

Либретто построено на водевильной основе.

В этом спектакле на сцене Московского театра оперетты впервые выступили не только авторы, но и режиссер спектакля А. Закс и балетмейстер Я. Романовский. Авторы и постановочный коллектив при активном участии дирижера театра Л. Оссовского пополнили репертуар театра еще одним новым советским спектаклем.

Можно сказать, что все молодые участники этого спектакля — безусловные именинники. Прежде всего обе исполнительницы Зины — Кузьмина и Котова. Даже мы, партнеры, не можем не поддаться обаянию простоты, непосредственности, живости темперамента, присущему обеим исполнительницам. Разными путями пришли актрисы к этому. Анну Котову воспитала самодеятельность, Капитолину Кузьмину — наш театр, в котором она работает с шестнадцати лет.

Их партнеры — В. Шишкин и Б. Поволяев. Конечно, актерское обаяние Шишкина, его виртуозные прыжки могут оценить больше москвичи, но зато голос... Голос его слышали тысячи зрителей заграничных фильмов, в которых он дублировал многих кинозвезд. Хорошо знают радиослушатели и Зою Белую.

Хочу в заключение сказать, что вся эта молодежь сформировалась главным образом на исполнении ролей в советских опереттах.

Заместитель начальника треста Рычков — С. Аникеев («За витриной ателье»).

Вот этой радостью — что у нас с каждым днем становится все больше советских оперетт и с каждым днем все больше талантливой молодежи — мне и хотелось поделиться. И пожелать моим молодым друзьям и в дальнейшем счастливого пути!

Севастополь.

В. С. Бибиков. ГОРОДА-ГЕРОИ.

Одесса.

Крылатый гарнизон

НА ВЗЛЕТЕ. Фото И. Тункеля.

Летчик В. А. Михайлик готов к полету.

Вл. РУДИМ

Представившись командиру авиационного подразделения и обменявшись несколькими общими фразами, мы спросили: чем занимаются сейчас летчики?

— Катаются, на катке. Спорт — самое главное для летчика,— продолжал командир.— На современном реактивном истребителе может летать только тот, кто обладает, так сказать, полной нормой здоровья. И если ее даже вот на столечко нет, прощайся с истребителем... Ведь нагрузочка в воздухе знаете какая?

Об этой «нагрузочке» мы составили более определенное представление после того, как побывали на занятиях, тренировках, в полетах. Мы узнали не только о «полной норме здоровья», но и о «полной норме техники» — сложной, тонкой, точной и умной, которую должен в совершенстве знать пилот. Достаточно сказать, что современное радиоэлектронное оборудование составляет более половины общей стоимости самолета.

...Летчики проходят испытание в барокамере — установке, в которой искусственно создаются условия высотного полета. Пилоты постепенно привыкают к высоте, их тренируют и испытывают. И того, кто с первого раза будет чувствовать себя неважно, сразу же «спишут с истребителя». Вот какова ныне «полная норма здоровья»!

Летчик входит в барокамеру, надевает кислородную маску, садится на стул. Впереди — пульт приборов, регистрирующих работу сердца, дыхание, давление крови. Захлопнута массивная железная дверь. Включены моторы. Начался «подъем». Через круглое окошечко-иллюминатор видно все, что происходит внутри. Рядом с нами — врач. Шлемофон позволяет ему разговаривать с тем, кто находится внутри камеры.

— Почему летчик пользуется кислородом, каково его действие на организм?—спрашиваем врача.

— Дело в том, что в каждом человеке есть некоторое количество нерастворенного азота, который находится в свободном, газообразном состоянии. При подъеме азот начинает выходить наружу, и, если на большой высоте пузырек газа попадет в сердце или мозг, человек может погибнуть. Но эта опасность устраняется, если дышать кислородом, — азот нужно «вымыть» кислородом еще до того, как самолет достигнет стратосферы.

Чтобы облегчить нагрузки, испытываемые летчиком на больших высотах, сделан специальный костюм. Он соединяется тонким шлангом, словно пуповиной, с соответствующим прибором в кабине самолета, и теперь человеку не страшна никакая перегрузка. Не страшно даже разгерметизирование кабины, когда мгновенно закипела бы кровь и наступила бы неминуемая смерть: в костюме ничего этого не случится.

Да, у летчика много надежных

помощников, на которых вполне можно положиться. Один из них — катапультное устройство.

Прыжок с парашютом из скоростного реактивного самолета настолько труден и сложен, что одних человеческих сил недостаточно, чтобы выброситься из машины. И тут на помощь пришла автоматика. Пилот находится в кабине, привязанный ремнями к сиденью. Над головой — красная металлическая ручка. Нужно ее потянуть к себе на грудь — лицо закроется прозрачным щитком (защита от воздушной струи). Затем нажим на спуск — и человек будет выброшен из самолета. Автоматически раскроется парашют, летчик начнет снижаться, продолжая получать кислородное питание: и тут действует автоматика.

...На сегодня назначены ночные полеты. Еще задолго до наступления сумерек к самолетам пришли техники и механики.

Первая внешняя перемена, происшедшая на стоянке, была сродни сказке о заколдованной девушке, сбросившей лягушечью кожу: снимаются темно-зеленые чехлы с серебристых птиц, и они предстают взору во всей своей красе, стремительной даже в покое. У красавиц-машин начинается тщательная проверка механизмов, приборов, вооружения...

Все готово. Летчик может начать предполетный осмотр, опробовать двигатели.

Из заднего отверстия сопла, как из кратера, вырывается горячая струя и моментально растапливает снег до самой «бетонки». А когда двигатель начинает уменьшать обороты, механики снимают варежки и греют в теплом дыхании сопла закоченевшие руки.

Перед тем, как выпустить в ночное небо первую машину, руководитель полетов еще раз запрашивает метеоролога, недовольно покачивает головой и наконец говорит в трубку:

— Ставлю вам двойку: ничем не обрадовали.— И повернувшись к нам: — Ну и погодка!.. Но летать можно. Будем летать!

С этой минуты на стартовом командном пункте — СКП — становится напряженно. СКП — это построенный на кузове грузовика высокий и легкий дощатый домик, напоминающий дачную веранду. Сквозь окна — широкий обзор на три стороны. Справа, в углу «веранды», — чугунная печурка, слева — вешалка. За длинным столом сидят руководитель полетов, штурман и планшетист. На голове планшетиста наушники. Он связан с оператором радиолокационной станции, принимая от него сведения о самолетах, находящихся в воздухе.

Сколько голосов звучит здесь в трех репродукторах! Постепенно мы начинаем привыкать к этой шумной перекличке и не только ориентируемся, откуда голоса — с земли или воздуха,— но даже угадываем некоторые.

«Я двадцать первый, иду над вами». Это произнесено спокойно, не торопясь. Вот дьявол! Мы его не видим, не слышим, а он совершенно точно знает, что идет над нами. Впрочем, майор, руководитель полетов, тоже это знает. И он дает команду: «Вам курс 200».

И тут мы догадываемся: да ведь это Жданович! Анатолий Жданович, который рассказывал нам, как он на фронте садился на «ориентир» — жаровню с бензином и паклей; как уже после войны еще раз суждено было держать совсем непредвиденное испытание на выдержку и умение: однажды пришлось совершить трудную, очень трудную посадку. От такого случая осталась память — медаль «За отвагу». Совсем недавно Ждановичу, как и многим другим в подразделении, вручили орден Ленина — за овладение полетами в сложных условиях...

А кому принадлежит вот этот голос, отрывистый, взволнованный? Не Разниченко ли? Он и есть! И мы сразу представили себе стройного, высокого, голубоглазого шатена, который с жаром говорил нам о своей профессии: «Как так можно жить, чтоб не летать?!» И не просто летать («Летать можно научить и медведя», — говорят летчики), а летать с непостижимой уму виртуозностью! И мы вспомнили еще одно имя — Василия Андреевича Михайлика. Вчера он молниеносно забрался на такую высоту, что кто-то даже пошутил: «Заходит в хвост спутнику». А таких опытных, умелых пилотов, как Михайлик, здесь не мало.

...На старт выруливают все новые машины. Вот одна уже готова к прыжку ввысь; самой машины не видно, она угадывается по сигнальным огонькам. И едва прозвучало рядом с нами «взлет разрешаю», как огоньки рванулись вперед, с огромной скоростью пронеслись мимо нас и скрылись из виду. И вот уже из «белой тьмы» доносится уверенное, отрывистое: «На курсе». Это Александр Александрович Обмолов, по адресу которого товарищи шутят: «Мудр, как сова, зорок, как сокол, быстр, как ласточка, и кроток, как голубь». Такая «птичья характеристика» не случайна: Обмолов с детства страстный любитель голубей, по его инициативе летчики обзавелись целой стаей турманов, за которыми с трогательной заботой ухаживают по очереди.

Где-то в ночи выполняет задание Василий Григорьевич Фомин. Его тоже хорошо знают в гарнизоне: он охотно летает на истребителе, имеющем тринадцатый номер. «Обожаю «чертову дюжину», — с улыбкой заявил нам Василий Григорьевич.

...Истребитель идет на посадку. Вспыхнули прожекторы. Руководитель полетов стал еще более внимателен, он распахнул окно, всматривается в сторону снижающегося самолета и говорит в микрофон:

— Тридцать первый, проверь шасси!

И еще короткая команда вниз, «на улицу»:

— У стереотрубы!

Там, у стереотрубы, стоит дежурный по полетам. Он докладывает:

— Шасси выпущены.

И снова команда в микрофон, с оттенком заботливости старшего:

— Убирай обороты, притормаживай.

И вот серебристая птица бежит по полосе: она действительно села, как птица, коснувшись «бетонки» двумя колесами, и, почувствовав опору, по-птичьи опустила нос — оперлась на переднюю «ногу».

Майор облегченно вздохнул и обернулся к нам:

— Первый раз ночью вылетал. Я боялся, как бы он с непривычки не выкатился при пробеге за полосу.

Неподалеку от СКП, в домике, где отдыхают летчики (одни возвратились из полетов, другие ожидают очереди), делятся впечатлениями, говорят о поведении своих «курносых» — так именуют здесь неофициально истребителей-перехватчиков. Летчик первого класса Михаил Иванович Осипов рассказывает молодому пилоту об особенностях воздушного боя в стратосфере (о, это очень сложно и трудно — вести бой на большой высоте). Михаил Иванович (и не один он!) уже провел столько часов в тех разреженных высях, что его стали величать «стратосферным жителем».

Неожиданно раздается приказ:

— Тридцать девятый, вам готовность номер один.

Осипов вскакивает и стремглав вылетает из домика, с силой распахивая двери — они открываются «от себя», наружу: здесь дорога каждая секунда.

Все, кто был в домике, догадались: Осипова посылают «на перехват». Это значит, что наше воздушное пространство нарушил чужой самолет, нужно его перехватить. Но кто и как обнаружил непрошеного гостя?

Заглянем на радиолокационную станцию. Перед мерцающим матовым экраном локатора сидит оператор. Экран чист: радиоволны, «обшаривающие» небо, ничего подозрительного не обнаруживают. И вдруг на экране возникла отметка: в небе появился самолет. Противник!

Оператор тут же сообщил по телефону (микрофон висит на груди) офицеру наведения на командном пункте. И от него поступил приказ Осипову.

За то короткое время, пока Осипов бежал к самолету, были сделаны офицером наведения все необходимые расчеты: по какому курсу, на какой высоте и с какой скоростью идет противник, по какому курсу, на какой высоте идти нашему истребителю.

...Перехватчик в воздухе. Реактивная стрела стремительно рассекает облака. Выше, выше и выше! Противник — в слое густой облачности, надеется проскочить незамеченным. И в этом многослойном «пироге» из туч, тумана, снега мчится навстречу нарушителю Осипов. В шлемофоне звучит голос надежного «поводыря», который продолжает наводить на цель.

Осипов уже находился от нас за сотни километров, в высях стратосферы, совсем, совсем близко от врага. Перехватчик ушел курсом параллельно с противником, выше него и чуть сзади, но еще не видел бомбардировщика.

Вот он! Наконец! На оранжевом экране самолетного радиолока-

Писатели и книги

ВСТРЕЧА С ГЕРОЯМИ ВОЙНЫ

Минувшая война не пожелтевшая страница истории, и естественно, что писатели обращаются к теме военных лет.

Не так давно литература на военную тему пополнилась еще одним произведением — романом Геннадия Гончаренко «Честь».

Это — произведение реалистическое, вызывающее симпатии своей суровой правдой. Г. Гончаренко живописует события, происходившие в разграничительных линиях одной стрелковой дивизии, но они весьма характерны и для других участков развернувшейся вооруженной борьбы.

Описанию боевых действий, ратных подвигов предшествуют главы о довоенных армейских буднях дивизии, дислоцированной в приграничной полосе. Автор вводит нас в мир своих героев, и мы видим, что и в обычной, будничной обстановке возникают острые конфликты и что решает их самый строгий судья — жизнь.

В центре повествования стоит образ командира полка подполковника Канашова. Уже в первых сценах писатель подчеркивает, что каждое действие Канашова продиктовано большой ответственностью перед страной за боевую готовность вверенного ему полка. Он человек разумной инициативы, кипучей энергии, требовательный к себе и подчиненным, внимательно изучающий природу современного боя, умеющий до конца реализовать идею своего решения. Эти его командирские качества наиболее отчетливо раскрываются тогда, когда мы сталкиваемся с ним в условиях быстро меняющейся боевой обстановки. Отсюда закономерен и его рост как военачальника: в ходе боев он становится во главе дивизии.

Не таков прежний командир дивизии полковник Русачев. Он живет и мыслит категориями гражданской войны, не замечает изменений в формах и способах боя, предпочитая действовать по старинке, с клинком в руке, хотя время сабельного удара отошло в прошлое.

В своем романе Г. Гончаренко вывел целую галерею советских воинов: рядовых и сержантов, офицеров и генералов, стрелков и пулеметчиков, артиллеристов и танкистов. Каждый из них имеет свое лицо, свои черты характера.

Батальные картины романа свидетельствуют, что писатель хорошо знает своеобразие современного боя. Особенно сильно написаны картины отражения контратаки противника на реке Друть, на Днепре.

Книга заканчивается красочным описанием торжественной встречи ветеранов полка и прибывшего пополнения с боевым знаменем части. Знамя считалось утерянным во время непрекращавшихся боев, и полку угрожало расформирование. Но оно было спасено лейтенантом Мироновым и сержантом Полагутой, пронесшими его через линию фронта.

Полковник И. АГИБАЛОВ

Геннадий Гончаренко. Честь. Роман. Изд-во «Молодая гвардия». 1957. 343 стр.

ционного прибора появилось светлое дрожащее тире — противник.

— Цель вижу! — доносится с неба.

Теперь нужно ее догнать и поразить. Только не упустить бы! Тире мечется по экрану — то вправо уходит, то левее, то вверх ползет, то вниз. Нелегко в такую гавьюжную погоду, когда самолет бросает из стороны в сторону, на такой огромной скорости нацеливаться на противника, даже если до него «рукой достать».

И когда в репродукторе на командном пункте прозвучал далекий, от расстояния такой слабый и даже словно равнодушный голос Осипова: «Цель вижу»,— я сразу представил то, что Михаил Иванович показывал мне накануне на стоянке: и слегка подрагивающее тире на экране (это была «поймана» совсем мирная водонапорная башня за аэродромом) и золотую «птичку» — условное обозначение цели на втором приборе — прицеле. Он объяснил: если цель поймана в прицел, то теперь усилиями летчика (только он один знает, как велики эти усилия,— ведь одновременно надо вести сложнейшее пилотирование и целиться!) улавливается то мгновение, когда открыть огонь. В этих секундах и даже долях секунд весь опыт, все мастерство и умение летчика.

...Но что же там у Осипова? И вдруг доносится короткое, отрывистое: «Атакую!»

И еще через секунду: «Я тридцать девятый, атаку закончил».

Противник сбит, теперь Михаил Иванович повернет на свой аэродром, к нам. Жду традиционной фразы «иду домой», но ее нет и нет. В чем дело? Оказывается, стратосферные просторы подготовили Осипову еще один «сюрприз», и ему пришлось снова вступить в бой.

Второй самолет противника забрался очень высоко, видимо, надеясь, что истребители до него не достанут. Не тут-то было!

Тридцать девятый мчится наперерез, набирая высоту. Уже далеко-далеко от него не только земля, но и далекие от земли облака.

Довольно! Можно прекратить набор высоты. Разворот. Перехватчик вышел на курс бомбардировщика. Но предстоит еще догнать его. А бомбардировщик шел «с бешеной скоростью» (это потом сказал мне Михаил Иванович). Наконец Осипов увидел цель. Однако расстояние сокращалось очень медленно. «Может уйти!» Тогда рука автоматически, почти бессознательно потянулась влево, к красной кнопке. Сброшены подвесные баки для горючего. Скорость полета возрастает. Проходит секунда, другая. Нажата гашетка: залп из всех пушек!

— Все!

Это тоже мы услышали на КП. И никто, даже самые строгие военные командиры, не посетовал на Осипова, что об окончании атаки он доложил не по уставу.

— Тридцать девятый, на прием, отвечайте.— Офицер наведения снимает шапку (даже здесь, на земле, было жарко) и впервые закуривает.

Обстановка сложная: погода ухудшилась. Горючего осталось мало — до своего «дома» сквозь такую вьюгу не добраться. Осипова направляют на другой аэродром.

...Полеты закончены. Перехватчики сняли летные костюмы, надели повседневные шинели, сапоги — словом, стали такими, какими мы видим их на улице. Заведен мотор автобуса: домой.

Командир сосредоточенно всматривается в лица летчиков, садящихся в автобус, и окликает капитана Курова.

— Иван Амвросиевич! — Голос командира звучит как-то по-другому, по-домашнему.— Не забудь зайти к Евгении Ивановне, скажи ей, что Осипов только завтра вернется.

Куров — сосед Осипова по квартире. И вот он стучит в квартиру Михаила Ивановича. Дверь сразу открывает Евгения Ивановна; она, конечно, не спала: жена летчика не ложится спать до тех пор, пока не вернется муж.

— Ваш благоверный завтра прибудет, его посадили на далеком аэродроме.

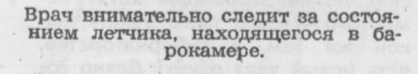
В первую секунду в глазах Евгении Ивановны испуг и недоверие. Но Куров спокоен, даже весел. А слово «благоверный»? Так не сказал бы, если бы...

— Спасибо. Спокойной ночи.

...Читатель догадывается, что Осипов настоящего боя не вел и его противник был условный. Да, настоящего противника не было. И, тем не менее, все было, как к бою, и гораздо напряженнее, труднее, чем об этом рассказано нами. («У меня спина взмокла, когда гнался за вторым бомбёром», — просто сказал Михаил Иванович.)

В воздухе действительно летел бомбардировщик (наш, конечно), без огней, как летел бы настоящий враг. Ни Осипов, ни офицер наведения не знали курса бомбардировщика и ловили его всерьез, так, как делали бы это в настоящих боевых условиях. Была непогода, мощная облачность, метель, очень затруднявшие пилотирование. Была реальная опасность истребителю попасть в мощную воздушную струю от двигателей бомбардировщика — тогда истребитель был бы опрокинут и отброшен.

Истребитель не открывал огня из пушек. Но Осипов действительно поймал бомбардировщика на прицел, и когда он нажал на гашетку, сработал фотопулемет, засвидетельствовавший победу истребителя-перехватчика.

Врач внимательно следит за состоянием летчика, находящегося в барокамере.

Все это длилось несколько секунд, полных огромного напряжения, воли, затраты ума, сил, нервов. Обо всем этом я узнал у Осипова, когда он на следующий день вернулся домой.

— Что же, у вас часто бывают такие удачные вылеты? — спросил я.

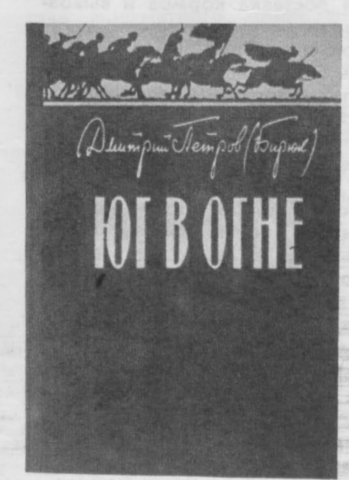
Он улыбнулся.

— Всякое случалось. Когда опыта было еще мало, то и «мазал» и терял противника, приходилось наводить меня вторично. Но все это уже «история».

Мы вели нашу беседу вечером, у машины СКП, укрывшись за нею от ветра. А над нами непрерывно проносились самолеты, ревели двигатели.

Крылатый гарнизон продолжал штурмовать ночную стратосферу.

«ЮГ В ОГНЕ»

Ростовский писатель Дмитрий Петров (Бирюк) давно известен широкому кругу читателей как автор исторических романов о донском казачестве. Двадцать четыре года назад в Ростове-на-Дону вышла его первая книга, «На Хопре».

В последующие годы Д. Петров (Бирюк) создал крупные произведения: «Кондрат Булавин», «Сыны степей донских» и трилогию «Сказание о казаках». В наиболее значительной из этих книг — эпическом «Сказании о казаках» — дана широкая картина почти полувековой жизни донского казачества начиная с девятисотых годов.

Дмитрий Петров (Бирюк). Юг в огне. Роман. Ростовское книжное издательство. 1957. 502 стр.

Недавно Ростовское книжное издательство выпустило в свет новый роман Д. Петрова (Бирюка), «Юг в огне». В этом большом, многоплановом произведении изображаются незабываемые исторические события гражданской войны на Дону. Книга читается с интересом: многие страницы ее ярко воспроизводят огненные годы, героическую эпоху становления Советской власти.

С первых же страниц произведения читатель попадает в водоворот стремительных событий, неумолимо, круто ломающих вековые устои хуторов и станиц, старый, несправедливый уклад жизни. Д. Петров (Бирюк) рисует классовое расслоение в среде донского казачества, исторически верно показывает истоки ожесточенной борьбы богатых казаков против беднейшего трудового казачества, принявшего революцию.

В отличие от некоторых неглубоких произведений, в которых действующие лица расставлены по заранее определенной схеме, в романе «Юг в огне» предстает естественное лютое столкновение стоящих на противоположных позициях сыновей крепкого казака Ермакова, братьев Прохора и Константина, и дочерей богатого азовского рыбопромышленника Бакшина, сестер Марины и Веры.

Известно, что после Октября многие враги революции бежали на Дон, попытались окопаться в Ростове и Новочеркасске, чтобы отсюда с помощью иностранных интервентов повести наступление на красную Москву. Автор «Юга в огне» реалистически показывает стан белых, обреченность и разложение контрреволюционных банд, продажность белогвардейских главарей.

Значительное место отведено изображению руководящей роли Коммунистической партии в борьбе за победу Советской власти, показано большевистское подполье в тылу врага, мужество и благородство рядовых коммунистов.

Глубоко волнуют страницы, с которых, как живые, встают павшие за дело народа бесстрашные руководители красного казачества Дона Федор Подтелков и Михаил Кривошлыков.

Интересный роман «Юг в огне», к сожалению, не лишен и недостатков. Некоторые главы носят следы спешки.

Встречаются неточности, неправдоподобные положения. Так, Прохор из винтовки стреляет в Константина, хотя между ними, если верить автору, «версты три, а то и поболе будет». Тем не менее трехверстное расстояние не мешает Прохору точно направить пулю в руку Константина...

Писатель создал волнующее произведение, познавательное и воспитательное значение которого для читателей, особенно для молодежи, бесспорно.

Мих. АНДРИАСОВ

Ростов-на-Дону.

ПОТОМКИ ХОДОКОВ ИЗ АНИЯ

Н. ХРАБРОВА

— Знакомьтесь,— сказал заместитель председателя Совета Министров Эстонской ССР Арнольд Грен,— колхозники из Козеского района. Так сказать, ходоки из Ания.

Ходоки из Ания!

...Июль 1858 года. Обычно скупое в этих краях солнце печет беспощадно. На одной из проселочных дорог Эстонии — столбы пыли, скрип телег, громкие, возбужденные голоса. Это едут в Таллин, к губернатору, шестьдесят крестьян из волости Ания, которым он запретил убирать их осыпающийся хлеб, пока не уберут последний колосок с баронских полей. Крестьяне хотят немногого — всего лишь узнать, какой же там, в губернаторстве, есть новый указ о них? Давно говорят в деревнях, будто бы есть в нем параграфы, облегчающие барщину во время страды. Только никак не дойдет этот указ до крестьян: помещикам невыгодно, чтобы крестьяне знали о льготах, поэтому и держат его у себя и не дают переводить на эстонский язык. А барон анияский Унгерн-Штернберг что хочет, то и делает с крестьянами. Истощилось мужицкое терпение.

В губернаторстве — в таллинском вышгородском замке — о походе анияских мужиков было известно еще до их появления. Губернатор был в отъезде, и вице-губернатор Розен, советник Швебс и анияский барон Унгерн-Штернберг решили по-своему ответить на вопрос об указе: прямо из замка крестьян отправили под конвоем на рыночную площадь, где уже были заготовлены палки и бочки водки для солдат — чтобы били крепче. Экзекуция началась. Первым секут крестьянина Виллема Кянда.

В книге «Ходоки из Ания» Эдуард Вильде так описывает конец побоища: «Место расправы представляло после экзекуции вид поля сражения, где происходила упорная рукопашная борьба. Всюду лужи крови, грязь, обломки палок и прутьев, разбросанные по всей площади».

— ...Мы хотим нынче получить побольше минеральных удобрений и просим вас посодействовать нам в этом.— Голос Уно Кянда, агронома колхоза «Ания Эдази», возвращает нас от событий прошлого к действительности.— С каждым годом у нас увеличивается поголовье скота, а земли неважные, хорошо удобрять надо.

Арнольд Грен записывает все, что говорит ему Уно Кянд — правнук мужественного и правдивого ходока из Ания Виллема Кянда.

Мы сидим в одной из комнат того же самого вышгородского замка, куда Виллем Кянд приводил своих земляков. Анияские колхозники пришли поговорить о колхозных делах.

— Ваша просьба об удобрениях будет выполнена,— отвечает заместитель председателя Совета Министров Арнольд Грен колхозному агроному.

— Это еще не все,— улыбается Артур Сарап, председатель колхоза.— Есть еще две просьбы. За последние четыре года оплата трудодня в нашем колхозе выросла с трех рублей до одиннадцати. В Ания появилось много зажиточных семейств, колхозники хотят строить новые дома, а строительного леса у нас маловато, тот, что есть, пойдет на хозяйственные новостройки. Вот мы и просим увеличить нам лесную делянку. Кроме того, кое-кто хочет купить легковые автомашины; на первых порах хорошо бы получить хотя бы две.

— С лесом мы вам поможем, а машину пока дадим только одну: у нас нынче особенно много заявок на легковые машины... Много ли у вас живет теперь потомков тех ходоков? — интересуется Грен.

— Много! В Мынипалу — семья Иоханнеса Агурайкя, есть еще Кянды, Куускманы, внуки Микка Лооберга... Все хорошо знают о печальном походе наших земляков к губернатору не только по книге Вильде, но и по рассказам дедов и отцов.

Прием у заместителя председателя Совета Министров окончен. Он тепло прощается с колхозниками. По-другому встречают теперь в вышгородском замке ходоков из Ания!

— Приезжайте к нам, посмотрите, как живем, — приглашает председатель колхоза.

И вот мы по гладкой, припорошенной только что выпавшим снегом дороге едем в Ания. Снег лежит на полях пышно и ровно, как нарядный сааремаский платок. Дорога ныряет в ольховые перелески, мохнатые еловые заросли. Навстречу попадаются грузовики с длинными свежеокоренными могучими стволами — колхозники вывозят с лесных делянок строительный лес.

Потомки ходоков из Ания живут в двух колхозах — «Ания Эдази» и «Эду».

На краю дороги, ведущей в «Эду», виднеется несколько обшитых свежим тесом домов.

— Новые дома колхозников. Строила своя, колхозная бригада плотников, — говорит наш спутник.— Нынче в «Эду» то и дело празднуют новоселье.

У первого дома знакомимся с его хозяином, членом полеводческой бригады колхоза «Эду» Эдуардом Йызару и председателем колхоза Густавом Вырро.

— Вон из того «дворца» я нынче переселился в этот дом,— показывает колхозник в сторону потемневшей хибары, что стоит в двухстах метрах от новых домов.— Много лет назад мой отец сложил ее из старых, по дешевке купленных бревен. Так мы и жили всю жизнь в ней, старались, конечно, ремонтировать, чтобы не совсем развалилась. Ну, а о том, как я теперь живу, тоже мой новый дом за меня расскажет.

— И я добавлю,— говорит Густав Вырро.— Есть у старого Эди — ему шестьдесят восемь лет, хоть и выглядит женихом,— большой талант: он мастер сушить хлеб. Чисто эстонская специальность: сыро у нас, хлеб перед обмолотом надо хорошо высушивать. Эди теперь богатый человек: две тонны зерна получил в премию, да еще две тонны заработал вместе с женой по трудодням. Вот и построили дом ему по заслугам да по средствам.

Свинарку Розалию Паюс мы застали за торжественной церемонией: председатель государственной комиссии по приему новых зданий Эвальд Саалем вручал хозяйке акт на владение домом.

Худощавая, подвижная Розалия Паюс приветливо пододвигает стулья к столу:

— Садитесь, поговорим! Только будем говорить тихонько: у нас в соседней комнате малыш спит.

И мы тихонько говорим о малыше, о том, какой он, наверное, здоровяк будет и что хорошо у него начинается жизнь в новом доме. А у нее, бабки, какое детство было? Что о нем вспоминать! Нянчила чужих детей. Потом пошла в батрачки, потом в кухарки «выдвинулась». Да и после войны нелегко жилось: работала уборщицей на железной дороге, сына вырастила одна.

— Только в пятьдесят четвертом году взялась за ум,— рассказывает женщина о себе.— Вступила в колхоз, стала зарабатывать по 1 500 рублей в месяц.

Схожи судьбы и других четырех семей, что нынче вселились в новые дома, и тех пяти, которые в этом году начали строиться, и тех десятков, которые копят деньги на строительство в будущем году.

Не только по жилым домам, но и по хозяйственным постройкам можно судить о порядках в колхозе. Однако и о фермах плохого не скажешь — в «Эду» все постройки: коровник, свинарник, овчарня, птичник — новенькие, с иголочки. Сухо, чисто, везде электричество, паровое отопление, механизированная доставка кормов и вывозка навоза.

В колхозе «Эду» нынче на трудодень будут выдавать по 12 рублей, по килограмму зерна и по килограмму картофеля. Об этом мы узнали, заглянув вечером в правление. В передней комнате — жара и народу — не протолкаешься: в клубе, что рядом, по телевизору новый фильм будут показывать, а пока до начала можно послушать радио, повидать, кого надо, сделать покупки в лотке без продавца, установленном здесь же.

...Уезжали мы поздно вечером. Снова густой сеткой пошел снег. Из-за снеговой завесы, из-за молчаливых рощ — отовсюду приветливо поблескивали электрические огни хуторов.

Посланцы колхоза «Ания Эдази» в Совете Министров Эстонии. Слева направо: заместитель председателя Совета Министров ЭССР Арнольд Грен, председатель колхоза «Ания Эдази» Артур Сарап и агроном этого колхоза Уно Кянд.

Фото А. Мутт.

Председатель Совета Министров Латвийской ССР В. Т. Лацис поздравляет Михаила Таля с победой и вручает ему Почетный приз Совета Министров Латвийской ССР.

Фото И. Семина.

Шахматы

Гроссмейстер Т. Петросян.

Снова Михаил Таль

Сало ФЛОР

Заключительный тур в XXV первенстве СССР превратился в настоящее «шахматное дерби».

До последнего тура ни одному участнику — даже лидерам Т. Петросяну и М. Талю — не был обеспечен выход в четверку, которая должна выступить в межзональном турнире. В случае проигрыша обоих лидеров пять участников могли делить 1—5-е места, и понадобилось бы «дополнительное время».

В последнем туре Петросян после короткой, но содержательной борьбы согласился на ничью с Ю. Авербахом. В данном случае лидер решил правильно: он присматривался к партии Спасский — Таль и с самого начала видел у Спасского преимущество.

Накануне последнего тура «старый» Спасский вспоминал, как он выигрывал у Таля в юношеских соревнованиях, а затем уже и на XXIII чемпионате страны. Спасский полушутя говорил: «Неужели на этот раз «мой Миша» меня подведет? Нет, не должен».

Слишком мал оказался конференц-зал Дома науки. На улице (в пасмурный день!) и в фойе толпились болельщики. Организаторы вынуждены были арендовать Большой зал Филармонии для демонстрации важнейших партий. Там я выступал в качестве «шахматного конферансье». Успокоить, обрадовать публику я не был в состоянии: у Таля было явно худшее положение. Но рижская публика верила в него. И когда партия была отложена и мы расходились, многие на прощание говорили: «Гроссмейстер, вы, оказывается, пессимист. Увидите, завтра Таль «выкрутится».

Ясно, что отложенная позиция подвергалась подробному анализу вдоль и поперек со стороны молодых гроссмейстеров и их тренеров.

В 11 утра следующего дня явно усталые Спасский и Таль сели за шахматный столик. Тренер Таля, мастер А. Кобленц, с тревогой говорил:

— Неудобная, неприятная позиция у Миши, но форсированного выигрыша для Спасского мы не нашли, хотя работали до шести утра.

Беспрерывно звонят телефоны, спрашивают: «Есть шансы на спасение?» О том, что Таль может выиграть, ни одному человеку и в голову не приходило. Каждые несколько минут звонят из Москвы, Киева, Ленинграда:

— Как там Таль, он еще держится?

Все хотят дать информацию в вечернюю газету.

Таль защищает трудную позицию, в которой он имеет 30 процентов шансов на спасение (из уважения к чемпиону я ему немного прибавил). Спасскому достаточно было сказать одно слово — «ничья»,— и Таль, несомненно, согласился бы. Но несколько раз Спасский отказывается от ничейного продолжения партии (и правильно), но в решающий момент нервы его не выдерживают. В разгаре борьбы он попадает в цейтнот. Одна неточность, вторая — и картина резко меняется. Спасский теперь сам предлагает ничью, но Таль уже успел перехватить инициативу. Его король, который несколько часов стоял «под ножом», теперь активно участвует в заключительной контратаке. Спасский протягивает руку и сдается.

Бурные овации вспыхивают в адрес Таля. Ни организаторы, ни дежурные милиции не в силах удержать толпу. Зрители бросаются на сцену, поздравляют и целуют Таля. Его, мучительно усталого, немного смущенного, еще не успевшего понять, что произошло за последние 10 минут, качают. Правда, это не так уж трудно, поскольку наш чемпион по шахматам примерно такого веса, как прима-балерина, когда она находится в лучшей форме. К тому же Таль во время этого чемпионата успел еще немного похудеть.

Доигрывание решающей партии передавалось по телевидению. Как молния, по улицам Риги разнеслось сообщение, что Таль вновь стал чемпионом СССР.

В эти минуты радости мало кто думал о том, какая шахматная трагедия для Бориса Спасского разыгралась только что за доской. Что он «натворил»?! Он лишил себя шансов попасть в четверку, а кроме того, он «из кармана» у Петросяна вынул если не золотую медаль, то во всяком случае возможность разделить первое и второе места. Но двум участникам турнира Спасский удружил: Ю. Авербах оказался на четвертом месте и поедет в Порторож на межзональный турнир, а Л. Полугаевский «в суматохе» заработал первый гроссмейстерский балл (разделил 5—6-е места со Спасским).

Финал финала: Михаил Таль снова стал чемпионом СССР. Он, так же как и в прошлом году, играл интересно и предприимчиво.

«Это случайно»,— оправдывали себя неудачники. Но не кажется ли им, что эта «случайность» у Таля входит в привычку? Иначе как объяснить тот факт, что и на этот раз лучшего результата во встречах с гроссмейстерами добился Таль (7 очков из 10)?

Подведем итоги: вторично Михаил Таль стал чемпионом сильнейшей шахматной державы. Такого крупного успеха может добиться лишь такой яркий талант, каким является рижский студент. Таль — большой молодец!

Гроссмейстер Ю. Авербах.

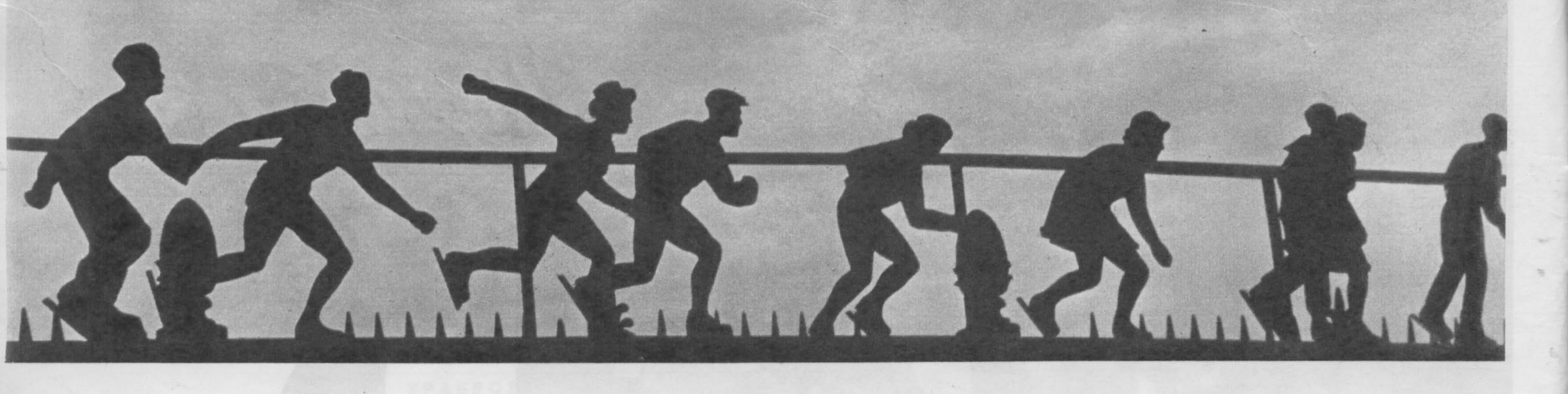

Мастер Л. Полугаевский.

Гроссмейстер Б. Спасский.

Дружеские шаржи Л. Самойлова.

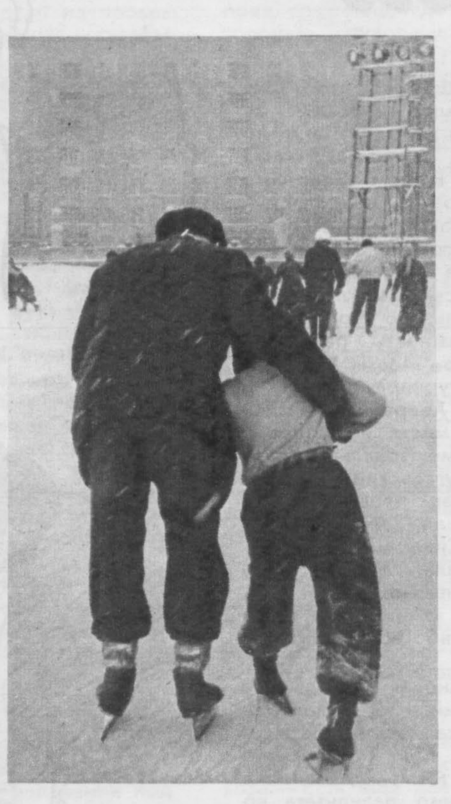
ШАГИ НА ЛЬДУ

И. ТУНКЕЛЬ, В. ПОЛЫНИН

Чтобы бегать на коньках легко и красиво, надо пройти путь тернистый и трудный. Не один лед растает, прежде чем робкие шаги сменятся шагами уверенными и стремительными. Но каждый шаг по дороге к мастерству доставляет конькобежцу много радости и наслаждения. Впрочем, в этом нетрудно убедиться, если пойти на любой каток...

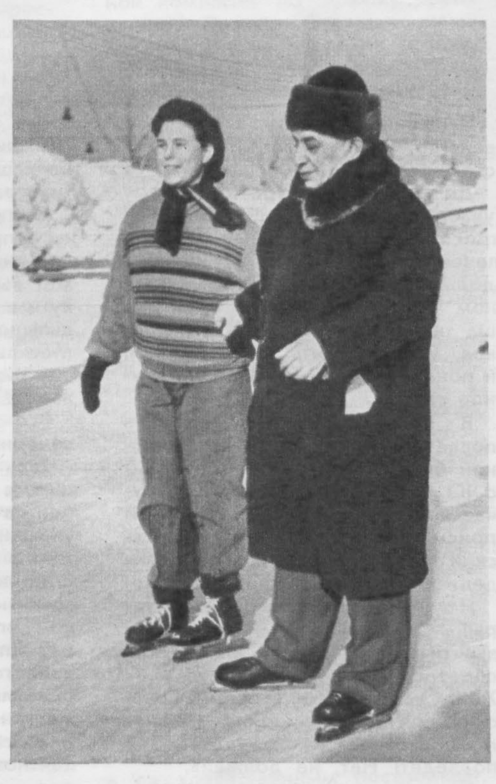
Сейчас начнем.

Первый шаг.

Перед стартом.

Никогда не поздно.

ТРИЖДЫ ЧЕМПИОН МИРА

Два дня — 15 и 16 февраля — столица Финляндской республики — Хельсинки, белый город, как его любовно называют сами финны, жила под впечатлением увлекательного спортивного события. Здесь, на олимпийском стадионе, проходил мировой чемпионат по скоростному бегу на коньках среди мужчин.

Два дня на главной магистрали города, ведущей к стадиону, на специально установленных мачтах развевались государственные флаги 17 стран — участниц чемпионата.

Нынешнее мировое первенство было одним из крупнейших соревнований за последние годы. В нем приняли участие 40 сильных конькобежцев. Здесь были представлены «хозяева» соревнований — спортсмены Финляндии, а также СССР, Швеции, Норвегии, Англии, США, Франции, Китайской Народной Республики... Помериться силами приехал и представитель жаркого Южно-Африканского Союза.

Уже самый состав участников, среди которых находились известные за пределами своих стран мастера ледяной дорожки, предвещал острую борьбу за звание чемпиона мира. И борьба действительно была напряженной. Тот, кто умеет оценивать достижения спортсмена не только в минутах, но и в долях секунды, тот поймет характер этой борьбы и трудности, лежавшие на пути к победе.

Скажем сразу: многие специалисты конькобежного спорта и журналисты предсказывали победу прошлогоднему чемпиону мира норвежцу Кнуту Юханессену. К этому было много причин. Да, как видно, и сам он был уверен в своих силах. Накануне соревнований Юханессен заявил в печати, что возьмет реванш у Гончаренко за поражение в Эскильстуне.

Кто же станет обладателем золотой медали? На чьи плечи будет возложен почетный лавровый венок? Эти вопросы горячо обсуждались многочисленными почитателями конькобежного спорта не только на трибунах стадиона, но и на улицах, в трамваях, в клубах...

Но вот наступило утро дня соревнований. Оно не обещало ничего хорошего. Изменчивая северная погода, словно нарочно, проявила свой каприз. Температура повысилась до 2—3 градусов тепла. Любовно подготовленный лед стал мягким и неприятным для скороходов.

Пять часов дня по финскому времени. Фанфары возвещают начало состязаний.

Первый выстрел стартера — пара спортсменов берет старт в беге на 500 метров. Затем вторая, третья, пятая, пятнадцатая... В шестнадцатой паре бегут советский спортсмен Роберт Меркулов и норвежец Кнут Танге. Меркулов предложил быстрый темп. На финишной черте секундомеры судей показали 44,2 секунды. Этот результат оказался лучшим.

На следующей дистанции — 5 тысяч метров — победу также одержал советский спортсмен Владимир Шилыковский. Кнут Юханессен, который совсем недавно был победителем на этой дистанции в чемпионате Европы, отстал от советского спортсмена на... 14,1 секунды!

На следующий день, в воскресенье, погода несколько улучшилась. Оттепель сменилась легким морозом. Но зато город окутал туман.

Объявляется старт на 1 500 метров. Во второй паре бегут В. Шилыковский и швед Б. Энг. Советский спортсмен начал бег в быстром темпе, которого его соперник не выдержал. Под аплодисменты и возгласы многотысячной публики Шилыковский финиширует с результатом 2 минуты 19,8 секунды. После этого стартовало еще 9 пар, но улучшить время им не удалось.

Но вот на дорожку выходят О. Гончаренко и американец Ф. Бедбери. Среди журналистов, которые не лезут за словом в карман, была пущена шутка: «Бегут два больших». Известно было, однако, что соперником Гончаренко является не американец, а свой же земляк — В. Шилыковский, с которым и идет сейчас заочное состязание.

Уже через несколько секунд диктор объявляет по радио, что Гончаренко по секундам опережает Шилыковского. Трибуны отвечают на это аплодисментами. Второй «большой» отстает. Гончаренко же тем временем увеличивает темп. Еще рывок — и финиш. Результат — 2 минуты 17,7 секунды.

Быстрее никто не пробежал.

Перед «конькобежным марафоном» — бегом на 10 тысяч метров — силы были рас-

Фуэте?

Согласованность во всем.

Нашагался.

ставлены так: Гончаренко, Шилыковский, норвежец Р. Ос, финн Ю. Ярвинен. Кто победит: Гончаренко или Шилыковский? Оба стайеры, оба имеют шансы на успех.

Шилыковский бежит во второй паре с немцем Х. Кунертом. Советский спортсмен постепенно отрывается от своего соперника. Гул стадиона подбадривает скорохода: вперед, вперед! Но вот и финиш. Шилыковский пришел к нему со временем 17 минут 17,1 секунды. Хороший результат!

В следующей паре на старт выходят Гончаренко и норвежец Т. Сейерстен. Но и в данном случае заочная борьба шла с Шилыковским. Засверкали вспышки ламп фоторепортеров: они спешат заснять Гончаренко. Кто знает, может быть, через несколько минут он станет чемпионом мира?

Гончаренко, чтобы стать победителем, «имел право» даже проиграть Шилыковскому 2,2 секунды. Но когда начался бег, стало ясно, что разговор может идти не о проигрыше, а о выигрыше. Так и вышло.

Уже стало темнеть, когда закончила бег последняя пара. Звучит Государственный гимн Советского Союза. А в это время над демонстрационной доской стадиона медленно поднимается Государственный флаг Союза ССР. Стадион чествует Олега Гончаренко, который недавно в Эскильстуне выиграл звание чемпиона Европы, а теперь — чемпиона мира.

Венок чемпиона мира он получает в третий раз.

Столичная печать, которая уделяет большое внимание закончившимся состязаниям, высоко оценивает достижения советского скорохода.

Одна из газет вышла с материалом под выразительным заголовком: «Король Гончаренко». Другие газеты подчеркивают, что Гончаренко еще раз показал, что он продолжает оставаться самым лучшим, самым сильным и быстрым человеком ледяной дорожки мира.

Г. ХОДУЛИН

Хельсинки.

ТАК ШАГАТЬ!

Олег Гончаренко — чемпион мира и Европы 1958 года.

Фото А. Бочинина.

ГРУППА АВТОМАТЧИКОВ. **Г. Пирцхалава** (Тбилиси).

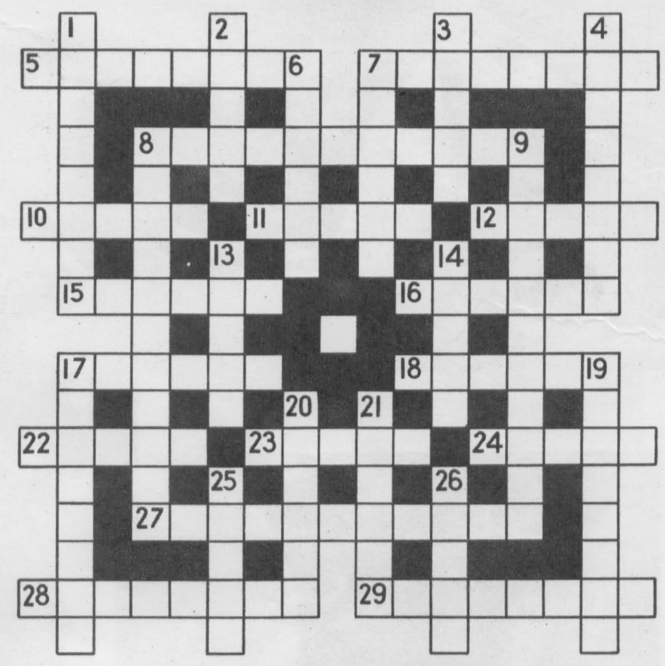
КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Руководитель партизанской борьбы в Белоруссии. 7. Вещество, усиливающее действие катализаторов. 8. Преобразователь переменного тока в постоянный ток высокого напряжения. 10. Город во Франции. 11. Русский конструктор стрелкового оружия. 12. Роман Т. Драйзера. 15. Русский поэт XIX века. 16. Форма обращения к воинскому начальнику. 17. Разветвленное устье реки. 18. Перекрытие в корпусе судна. 22. Одноклеточное животное. 23. Старинное холодное оружие. 24. Вид термической обработки металлических сплавов. 27. Толкователь. 28. Летательный аппарат. 29. Воинское звание.

По вертикали:

1. Художник. 2. Сооружение для хранения самолетов. 3. Курорт на Черноморском побережье. 4. Высота воды в реке или водоеме. 6. Одна из стран света. 7. Денежное или материальное поощрение. 8. Рыба семейства карповых. 9. Громкоговоритель. 13. Медленный темп в музыке. 14. Торжественный смотр. 17. Афинский оратор и политический деятель. 19. Латинизированное имя ученого Ибн-Сины. 20. Документ на право занятия торговлей. 21. Русский скульптор. 25. Самое твердое образование в животном организме. 26. Искусственный камень из стекла.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

1. Сбойка. 6. Антифриз. 9. Мультипликация. 12. Башкир. 13. Лоцман. 15. Лирика. 18. Арматурщик. 19. Автопоилка. 20. Купальница. 22. Компаратор. 23. Крымов. 24. «Болото». 26. Стакан. 27. Станкостроение. 28. Ванкувер. 29. Оссиан.

По вертикали:

2. Ботвинник. 3. «Курсистка». 4. Карьер. 5. Измаил. 7. Пунктуальность. 8. Ситцепечатание. 10. Караславов. 11. Радиоканал. 14. Градус. 15. Липецк. 16. Авилов. 17. «Скупой». 21. Археорнис. 22. Котировка. 25. «Огниво». 26. Сьерра.

Экскурсия ашхабадских школьников в Бахарденской пещере.

Подземное озеро

Мы спускаемся в глубокую Бахарденскую пещеру, расположенную в горах Копет-Дага. Для этого заготовлены факелы — консервные банки на длинной палке с тряпками, облитыми автолом. Крутая деревянная лестница ведет в подземелье. Влажный, «банный» воздух с запахом сероводорода. Чем ниже, тем становится жарче, темнее и душнее. Свет факелов вскоре вспугнул тучи летучих мышей. Считают, что там их обитает несколько десятков тысяч.

Еще два — три крутых спуска — и мы у цели. Свет факелов вырвал из тьмы берег и поверхность подземного озера. Его вода серная и теплая, температурой в 37 градусов.

Вначале мы купались только поблизости, потом осмелели, доплыли до противоположного берега. Озеро имеет в длину метров 70—80. Глубина, очевидно, большая, если судить по общему наклону дна и размерам свода пещеры,— не менее 50 метров. По словам местных жителей, пещера продолжается под землей на очень далекое расстояние.

Бахарденская пещера с серным озером, или, как ее называют туркмены, Коу-Ата, пользуется популярностью не только у экскурсантов, но и у желающих пользоваться целебными водами. К сожалению, пещера не приспособлена для приема экскурсантов. Там нет электрического света, дно засоряется; туристам остановиться негде. А ведь это редкая достопримечательность природы!

В. РАЦЕК,
заслуженный мастер спорта СССР.

Ташкент.

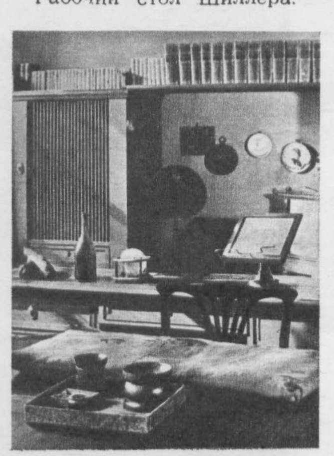
СТОЛЫ ГЕТЕ И ШИЛЛЕРА

На снимках — рабочие столы Гете и Шиллера. Они находятся в «Доме Гете» и в «Доме Шиллера» в немецком городе Веймаре. Гете жил там с 1775 по 1832 год и писал «Фауста», «Вильгельма Мейстера», «Поэзию и правду», сотни стихотворений. Фридрих Шиллер за письменным столом в маленькой рабочей комнате написал «Мессинскую невесту», закончил «Вильгельма Телля» и начал «Деметриуса».

И. СОКОЛОВ

Рабочий стол Шиллера.

Рабочий стол Гете.

Алмазы в метеоритах

10 сентября 1886 года недалеко от деревни Новый Урейский выселок, Пензенской губернии, упал метеорит. Один из его кусков, камень весом в 1 762 грамма, был передан учителем Барышниковым в Петербург. В Лесном институте его подвергли анализам кристаллограф и минералог М. Ерофеев и химик П. Лачинов. В метеорите были обнаружены мелкие сероватые зерна, которые по твердости, удельному весу и другим свойствам могли принадлежать только алмазу. За изучение этого метеорита Российская Академия наук присудила Ерофееву и Лачинову Ломоносовскую премию.

Открытие русских ученых вызвало отклик за рубежом: в немецких, французских, английских, американских журналах появились рефераты и статьи. Позднее микроскопические зерна алмаза были обнаружены разными учеными и в некоторых других метеоритах.

В настоящее время метеорит 1886 года хранится в Горном музее Ленинграда.

С. ОТАРОВ

На вкладках этого номера репродукции картин В. Дмитриевского, И. Евстигнеева, Г. Прокопинского «Рождение Красной Армии», П. Мальцева «Штурм Сапун-горы», П. Жигимонта «Солдатская песня», В. Дмитриевского «В родных местах», линогравюры В. Бибикова «Города-герои» и две страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00531. Подписано к печати 19/II 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 10. Заказ № 339.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Я стою на посту
НЕ СПЕША, ЗАДУШЕВНО
Запевала
Хор
Слова А. ЖАРОВА.
Музыка К. ЛИСТОВА.

Мать-отчизна в цвету.
Я стою на посту.
Самолет в небесах надо мной.
А кругом тишина:
Вся родная страна
За моею солдатской спиной...

И моря необозримые
И бескрайные поля...
Эх, сторонка ты моя любимая,
Ты, советская земля!

Я надежно храню
Мать с отцом, и родню,
И соседей, и добрых друзей,
Каждый дом, каждый цех,
И серебряный смех
Ненаглядной подруги моей...

И моря необозримые
И бескрайные поля...
Эх, сторонка ты моя любимая,
Ты, советская земля!

Я Отчизне служу,
Я в дозоре хожу
По зеленой траве над рекой.
И на белом снегу
Я стою, стерегу
Завоеванный в битвах покой.

И моря необозримые.
И бескрайные поля...
Эх, сторонка ты моя любимая,
Ты, советская земля!

Б. М. Неменский. ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ.